

№ 40.

1870.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ № № ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

— Годъ I. —		— Годъ II. —	
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:			
ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургъ.	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургъ.	2 р. — к.
Съ доставкою въ	5 » — »	Съ доставкою въ	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой.	5 » — »	Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	2 » 60 »

Объявленія принимаются по 10 к. строка пята. Особая приложенія къ номеру (9000 вкз.) по 4 р. за каждую тысячу.

Главная контора редакціи (А. Ф. Марксъ) въ С.-Петербургѣ находится на углу Невскаго пр. и Б. Морской, № 9—13 д. Росмана. Заграницей подписка принимается въ Берлинѣ у книгопродавца В. Варъ, Unter den Linden, № 27. Цѣна въ Германіи 6 талер.

ССЫЛКА.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО).

Ассесоръ Дорнъ прохаживался по комнатѣ съ поникшимъ взоромъ и заложеными за спину руками. На стиснутыхъ губахъ его мелькала горькая и грустная улыбка, хотя черты лица его казались совершенно спокойными. Опытный глазъ легко могъ подмѣтить, что молодой человекъ усиливался быть спокойнымъ, между тѣмъ какъ въ груди его была настоящая буря. Онъ до такой степени наловчился владѣть собою, что силы не измѣняли ему и въ эту минуту.

Немногіе понимаютъ, какихъ усилий и мукъ стоить скрывать свои чувства, когда горячая кровь кипитъ, обида и негодованіе разрываютъ грудь и медленнымъ огнемъ жгутъ сердце.

Хотя Дорна и нельзя было назвать красавцемъ, но черты лица его отличались правильностью; на блѣдныхъ щекахъ сквозила нервная раздражительность, а въ черныхъ большихъ глазахъ видна была твердость и рѣшимость. Эти глаза отличались необычайнымъ, почти невыносимымъ блескомъ. Дорнъ былъ средняго роста и строень станомъ; по его наружности можно было заключить о преобладаніи въ немъ умственной дѣятельности, которая въ возбужденномъ состояніи еще болѣе усиливалась. Онъ все еще ходилъ взадъ и впередъ, какъ вдругъ постучали въ дверь—и прежде чѣмъ онъ успѣлъ откликнуться, въ дверяхъ показался молодой человекъ лѣтъ двадцати, ровесникъ Дорна. Это былъ докторъ Гольцъ. Приблизившись къ Дорну и протянувъ ему руку, онъ сказалъ въ сильномъ волненіи:

— Дорнъ, я слышалъ, что сегодня кончилось слѣдствіе по твоему дѣлу. Извѣстно-ли тебѣ рѣшеніе?

— Конечно, отвѣчалъ Дорнъ, — вѣдь я прежде всѣхъ въ правѣ знать его; ужъ болѣе часу какъ я получилъ это извѣстіе и только-что хотѣлъ ознакомиться съ его результатомъ.

— Въ чемъ же заключается рѣшеніе? возразилъ съ нетерпѣніемъ Гольцъ.

— Прочти самъ, сказалъ Дорнъ, указывая на лежащую на столѣ бумагу,—приговоръ написанъ по формѣ и казенныя пошлины за гербовый листъ взысканы съ меня какъ слѣдуетъ.

Гольцъ, не слыша насмѣшки, съ которой были произнесены послѣднія слова, быстро прочелъ бумагу и съ невольнымъ вздохомъ облегченія, съ видимымъ удовольствіемъ проговорилъ, смотря на друга:

— Ну, слава Богу, тебя только переводить въ Б...; я боялся худшаго.

Лицо Дорна болѣзненно дрогнуло.

— Откровенно говоря: ты боялся видѣть меня совсемъ отставленнымъ отъ службы, возразилъ онъ:— или ты думалъ, что судьи сожгутъ меня на костѣ за то, что я осмѣлился не раздѣлять ихъ мнѣній! Чѣмъ-же этотъ переводъ сноснѣе совершеннаго увольненія? По моему, оно еще хуже. Мнѣ назначили ссылку, чтобъ погубить меня въ этомъ гнѣздѣ, гдѣ я никому не принесу ни пользы ни вреда... Этимъ переводомъ хотятъ заставить забыть меня — и я увѣренъ, что обо мнѣ никто не вспомнитъ. Вотъ ихъ цѣль.

— Ты все видишь въ худшемъ свѣтѣ! воскликнулъ Гольцъ.—Теперь ты оскорбленъ — и вся будущ-

Киргизы и жизнь ихъ.

По губерніямъ астраханской, самарской, оренбургской, южной и средней части пермской, южной части тобольской, по киргизъ-кайсацкимъ степямъ — странствуютъ по преимуществу три кочующихъ племени: киргизы, башкиры и калмыки. Такъ какъ первые сравнительно сохранили большую самостоятельность, и менѣе другихъ измѣнились отъ нашего вліянія въ своихъ нравахъ и обычаяхъ, — то мы полагаемъ, что читателямъ нашимъ интереснѣе будетъ познакомиться съ ихъ бытомъ и племеннымъ характеромъ. Эти три народа часто смѣшиваются даже мѣстными русскими, которые часто не отличаютъ ихъ другъ отъ друга даже названіемъ, а всѣхъ безразлично называютъ «татарами». Русское вліяніе настолько оказалось сильнымъ, что башкиры и киргизы, столь родственные между собою, почти уже не походятъ другъ на друга, за исключеніемъ языка, который остался у нихъ одинъ — съ самыми незначительными различіями, такъ что они понимаютъ другъ друга.

Киргизы до сихъ поръ — совершеннѣйшіе кочевники, почти единственные обитатели необозримыхъ степей, въ въ которыхъ, кромѣ нихъ, хозяйничаютъ лишь люди одинаковаго съ нимъ происхожденія, развитія, образа жизни; родина ихъ обширна — она простирается отъ Урала до озера Балкаши-Ноора, отъ Каспійскаго моря до Алтая. О башкирахъ нельзя того же сказать; у нихъ есть деревни и поля — и только нѣкоторые изъ нихъ на лѣто покидаютъ свои убогія лачуги, чтобы дать стощавшему скоту отѣстаться на сравнительно тѣсныхъ пастбищахъ. Башкиръ живетъ по законамъ, которые ему даны, служить въ уральскихъ казакахъ; киргизъ — самъ себѣ законъ, и тогда только признаетъ себя обязаннымъ воевать, когда ему лично грозитъ опасность. До сихъ поръ нашимъ еще не удавалось, несмотря на множество разсыянныхъ по степямъ *остроговъ* (крѣпости изъ досокъ, обведенныя валомъ и рвомъ), вполне покорить киргизовъ, тогда какъ съ башкирами это не представляло трудности — тѣмъ болѣе что они живутъ въ земляхъ по большей части населенныхъ русскими, такъ что мѣстами скорѣе башкиры живутъ между русскими, чѣмъ русскіе между башкирами; отсюда и большое вліяніе на нихъ русскихъ. Съ каждымъ годомъ они болѣе и болѣе теряютъ свою народность и болѣе привыкаютъ къ осѣдлости, такъ что не въ далекомъ будущемъ исчезнутъ между ними послѣдніе кочевники.

Башкиры стоятъ, если можно такъ выразиться, на болѣе высокой степени цивилизаціи чѣмъ киргизы; но за то они — народъ крайне испорченный, коварный, скрытный и, при кажущейся тупости, хитрый и вороватый. Киргизъ, напротивъ, гостепріимецъ, — чего впрочемъ нельзя отнять и отъ башкира, — открытъ, добродушенъ, и, при всей флегмѣ, наивенъ и легкомысленъ.

Путешественнику, вынужденному кочевать въ башкирскомъ селеніи, которое состоитъ нерѣдко изъ одной шайки мошенниковъ, или имѣющему башкира ямщикомъ, не мѣшаетъ держать оружіе подъ рукою (особенно ночью) и спать не слишкомъ крѣпко, иначе весьма легко можетъ случиться, что его ограбятъ или даже убьютъ.

Владѣнія киргизовъ съ запада отдѣляются Ураломъ и живущими тутъ казаками — отъ земель другаго родственнаго племени, калмыковъ; съ землями же башкировъ они граничатъ съ сѣвера и сѣверо-запада; съ востока киргизы имѣютъ сосѣдями монголовъ; къ югу

земля ихъ простирается до самой Шимской степи. Точнѣе опредѣлить границы невозможно, потому что онѣ частью безпрестанно мѣняются, а частью вовсе не существуютъ.

Большими ордами, предводительствуемыми Ханомъ, киргизовъ уже болѣе не встрѣчаютъ. Они обыкновенно слѣдуютъ за своими стадами маленькой ордой изъ пяти или десяти семействъ, на грубыхъ, двухколесныхъ тѣлегахъ, — и то тутъ, то тамъ разбиваютъ палатки по близости хорошей воды. Иногда даже одна семья, съ своими маленькими стадами, сама по себѣ странствуетъ по широкимъ степямъ.

Бѣдныя жилища киргизовъ устроены такъ практично, какъ можетъ научить лишь природная сметка и долгій опытъ. Шатры свои они разбиваютъ въ три-четыре часа, снимаютъ же и нагружаютъ на тѣлегу въ еще болѣе короткое время. Такая *каша* (называемая калмыками *юртой*, а монголами *ирей*) имѣетъ форму стекляннаго колпака, 10—12 футовъ вышины въ срединѣ, и покрываетъ поверхность въ 150—200 квадратныхъ футовъ. Срубъ составленъ изъ множества деревянныхъ брусковъ перевязанныхъ ремнями, покрытъ толстымъ войлокомъ (кошмою) и сверху обвязанъ еще тесьмами, въ руку шириною, плетеными изъ конского волоса, или просто волосяными веревками. Входъ завѣшенъ подбитой холстомъ кошмою. По срединѣ, надъ самымъ очагомъ, состоящемъ изъ двухъ-трехъ камней или чугунаго треножника или тагана, сдѣлано отверстіе фута въ два или три, которое можно задернуть при помощи двухъ волосяныхъ снуровъ и которое служитъ столько же для впуска снѣга, сколько для выпуска дыма. Шатеръ къ землѣ прикрѣпленъ битыми въ нее кольями. Благодаря своей практичной формѣ, онъ доставляетъ полную защиту отъ бури и дождя. Зимомъ кладутъ войлокъ въ два-три ряда, и снаружи обкладываютъ снѣгомъ. Топливомъ служатъ киргизамъ сушеный лошадиный или коровій навозъ.

Внутренность такой *каши* представляетъ безпорядочный сборъ всего что составляетъ хозяйство киргиза: тутъ (безъ всякаго порядка или опрятности) валяются разбросанные кошмы, бараньи шкуры, котлы, тряпки, провизія, валенныя шапки и сапоги, сундуки, деревянная посуда, сѣдла и всякая всячина. Такъ какъ полъ только мѣстами покрытъ кошмами, которыя служатъ постелями, а остальное — голая земля высохшая и разрытая, то при каждомъ движеніи подымается пыль. Отъ горящаго на очагѣ навоза постоянно накопляется *кашу* дымомъ; кромѣ того, несмотря на отверстія, въ ней заводится особый кислый запахъ, который ночью дѣлается положительно ужасенъ, потому что въ этомъ тѣсномъ пространствѣ спятъ иногда до восьми человекъ. Насѣкомыя всякаго сорта гнѣздятся въ шубахъ, кошмахъ, даже въ войлокѣ шатра. Въ особенности невыносимо жить въ такой *кашѣ* зимою, когда бѣднѣйшіе вынуждены забирать въ нее же телятъ, ягнятъ и жеребятъ. Все это заставляетъ страдающихъ грудью (которые обречены докторами нить кумысъ втеченіи двухъ-трехъ мѣсяцевъ) тотчасъ же ставить себѣ отдѣльную *кашу*, чтобы по крайней мѣрѣ избавиться отъ всякихъ животныхъ. Есть впрочемъ исключенія — хотя и крайне рѣдкія: бывають *каши*, въ которыхъ земля устлана богатыми персидскими коврами, сѣны завѣшаны красивыми ма-

теріями, вдоль которыхъ тянутся диваны, между тѣмъ какъ съ одной стороны стоитъ низенькая постель, окутанная безчисленными занавѣсами отъ комаровъ, да столикъ съ прекраснымъ чайнымъ приборомъ. Такими шатрами конечно обладаютъ лишь очень богатые хозяева, часто и подолгу бывавшіе въ большихъ городахъ, — а еще чаще татары или бухарцы, путешествующіе по дѣламъ или даже просто для своего удовольствія.

Необходимѣйшая утварь, каждаго киргизскаго хозяйства, это — *турзукъ*, т. е. кожаный мѣхъ, который содержитъ около десяти ведеръ; въ немъ хранится кумысъ, въ немъ же и дѣлается.

Кумысъ (одна изъ главныхъ статей пищи киргизовъ) есть, какъ извѣстно, смѣсь коровьяго, овечьяго и преимущественно кобыляго молока, которая впродолженіе 10 — 14 дней киснетъ и бродитъ. Во все это время, ежедневно нѣсколько разъ сильно мѣшаютъ эту жидкость длиною палкою, поперекъ конца которой прикрѣплена маленькая дощечка; тоже самое повторяютъ каждый разъ какъ нужно нить кумысъ, прежде чѣмъ наливать его. Онъ имѣетъ запахъ кислый, захватывающій дыханіе, а вкусомъ похожъ на сыроватку отъ масла. Онъ очень сытенъ, такъ что человекъ въ первый разъ пьющій его — не въ состояніи проглотить больше стакана; но самые слабые больные, которымъ кумысъ сначала даже противенъ, такъ втягиваются, что выпиваютъ его восемь и десять стакановъ безъ успія, и находятъ его вкуснымъ. Если досыта напиться его, онъ производитъ нѣкотораго рода опьяненіе; человекъ впадаетъ въ какую-то истому, хотя не хочетъ спать, но не хочется какъ-то ни двигаться, ни говорить, ни думать. Безъ кумыса киргизъ не въ состояніи просуществовать ни одного часа. Если пастухъ гонитъ стадо въ поле, онъ беретъ съ собою маленькій турзукъ съ кумысомъ (около ведра); куда бы и какъ бы ненадолго киргизъ ни отправлялся — неизбѣжный турзукъ непременно при немъ. Ежеминутно дѣти и взрослые выпиваютъ по чашечкѣ; если у киргиза гости — это первое угощеніе. И сколько они тянутъ его — только дивиться надо! Въ три четыре часа, за пріятельской бесѣдой, или просто сидя кружкомъ вокругъ огня, подогнувъ ноги калачикомъ, они выпиваютъ каждый отъ восьми до десяти чашекъ, а чашки эти содержатъ не менѣе двухъ стакановъ — иногда и больше. Весной и лѣтомъ, въ самую молочную пору, киргизы еще готовятъ изъ коровьяго и овечьяго молока чрезвычайно острый сыръ, который они сушатъ на солнцѣ и берегутъ на зиму. Такъ какъ у нихъ нѣтъ опредѣленнаго времени для ѣды, то цѣлый день видишь ихъ съ кускомъ этого сыра въ рукѣ. Онъ у нихъ въ такомъ же почетѣ какъ кумысъ. Коровье масло и муку они употребляютъ почти только на печеніе какихъ-то лепешекъ; хлѣбъ у нихъ рѣдкость.

Въ торжественныхъ случаяхъ они зарѣзываютъ быка, корову или лошадь — и довольно вкусно готовятъ мясо съ рисомъ, хотя, какъ и все прочее, безъ соли. Въ такихъ случаяхъ они обыкновенно сзываютъ бездну гостей, чтобы разомъ все съѣсть, и каждый гость обязанъ усердно помогать въ этомъ хозяину, чтобы не обидѣть его.

Киргизы вообще чрезвычайно гостепріймы. Какъ только хозяйна увѣдомляютъ, что къ его шатру приближаются гости, онъ выходитъ, ждетъ ихъ на порогѣ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ имъ на встрѣчу, обѣими руками беретъ протянутыя ему руки гостей, проситъ

ихъ пожаловать въ шатеръ, гдѣ онъ каждому указываетъ мѣсто у очага. Первымъ дѣломъ, въ ожиданіи другихъ кушаній, подается кумысъ. Когда наконецъ являются эти кушанья, всѣ ѣдятъ изъ одного блюда, пальцами, причемъ хозяинъ все уговариваетъ гостей кушать побольше — и конечно вмѣнилъ бы себѣ въ великую честь, еслибы ему удалось гостя закармливать до смерти.

Послѣ обѣда или ужина, когда всѣ чистенько вытрутъ пальцы объ сапоги или полы, опять является на сцену кумысъ и уже не исчезаетъ. Если гость — европеецъ, ему подаютъ особый приборъ, съ ложкой, ножомъ и вилокъ. Несмотря на эту любезность, европеецъ рѣдко съ аппетитомъ ѣстъ ихъ кушанья, потому что главное условіе для оцѣнки ихъ по достоинству — не знать и не думать о томъ, какъ ихъ готовятъ. Такъ, напр., весьма рѣдко случается, что во время доенія въ шайку попадаютъ вещи совсѣмъ туда не принадлежащія — и въ большинствѣ случаевъ не выкидываются, а если и выкидываются, то при непосредственной помощи грязной руки. На такія мелочи обыкновенно не слишкомъ-то обращаютъ вниманіе, а все какъ есть выливаетъ въ турзукъ — можетъ-быть даже это способствуетъ броженію. Одного взгляда на котель достаточно чтобы убѣдиться, что онъ никогда не чистится, вслѣдствіе чего внутри образуется толстая короста изъ земли и осадокъ различныхъ варимыхъ въ немъ кушаній. Въ такой же точно неопрятности киргизы держатъ свое тѣло и платье. Рубаху киргизъ не снимаетъ до тѣхъ поръ, пока она у него лохмотьями сама не развалится; въ праздники онъ только сверху надѣваетъ свой лучшій нарядъ, который тоже лоснится отъ жира. Хотя киргизъ, слѣдуя заповѣди Магометой, долженъ бы умываться по нѣсколько разъ въ день, но онъ это исполняетъ крайне рѣдко — и то единственно въ видѣ обряда, такъ что онъ только слегка смачиваетъ концы пальцевъ.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ длиннаго мѣшка (падающаго много ниже колѣнъ, съ длинными рукавами широкими къ низу) и короткихъ штановъ. Кроме того, такъ какъ мужчины стригутся подъ гребенку, они носятъ плотно прилегающіе къ головѣ колпаки изъ кожи или чего другаго, обыкновенно вышитые или выложенные фигурами изъ блестокъ или цвѣтныхъ стесокъ, а у богачей изъ драгоценныхъ камней. Сапоговъ или туфель киргизы по большей части не носятъ, а надѣваютъ ихъ только когда отправляются въ гости или въ городъ. Зимой киргизъ ходитъ въ тулупѣ и мѣховой или валецовой шапкѣ. Иногда случается встрѣтить въ городахъ весьма опрятно одѣтыхъ киргизовъ, но это уже не настоящіе киргизы, а цивилизованные по-бухарскому торговцы. Они вообще охотно перенимаютъ нравы и одежду бухарцевъ.

Дѣти тоже обыкновенно бѣгаютъ въ мѣшкѣ, или рубахѣ, и колпакѣ; остальное же — какъ Богъ создалъ. Ихъ съ малолѣтства приучаютъ къ неопрятности. Такъ напримѣръ, одинъ путешественникъ рассказываетъ, что одной киргизкѣ почему-то вздумалось вымыть своего пяти или шестимѣсячнаго ребенка. Она для этого выбрала день пожара, въ самый припекъ вынесла ребенка, голаго, къ близъ лежащему озеру, зачерпнула воды и полила ею ребенка, осторожно держа его на воздухѣ за одну ручку, потомъ взяла его за другую ручку и полила съ другой стороны. Въ видѣ лишней роскоши она еще нѣсколько разъ побрызгала въ него — чѣмъ и кончился мудреный процессъ омовенія, къ полному ея удовольствію.

Киргизы чрезвычайно любятъ дѣтей своихъ, и въ высшей степени балуютъ ихъ. Нерѣдко видѣть мальчишекъ пяти и шести лѣтъ—неотнятыхъ отъ груди; спать ихъ кладутъ въ деревянные ящики, спеленутыхъ ремнями вмѣсто свивальниковъ, да еще укачиваютъ. Такія же нѣжности оказываютъ старикамъ: въ холодныя ночи ихъ по шею зарывають въ горячую золу. Иные старики доживаютъ до ста лѣтъ, и живутъ уже однимъ кумысомъ.

Въ одеждѣ женщинъ особенно характеристично мѣшкообразное покрывало, которое онѣ носятъ въ городахъ. Оно набрасывается на голову, закрываетъ лицо, оставляя только отверстіе для глазъ, и падаетъ двумя углами на грудь и спину. Съ этимъ покрываломъ киргизки отлично умѣютъ кокетничать: когда имъ попадается сврошець, онѣ потихоньку дергаютъ его за задній конецъ, такъ что передъ поднимается и обнажаетъ лицо; а если встрѣтятся мусульманши—тотчасъ закрываются. Въ видѣ украшенія онѣ вплетаютъ въ косы длинныя цвѣтныя ленты, къ которымъ придѣланы золотыя и серебряныя монеты, нерѣдко отъ тридцати до сорока штукъ; въ томъ числѣ иногда бываютъ монеты величиною въ рублевую. Киргизки любятъ бѣлиться и румяниться,—а ногти на пальцахъ, какъ всѣ жительницы Востока, красятъ въ желтую краску.

Какъ общее правило, киргизы имѣютъ только по двѣ жены (у богатыхъ, впрочемъ, бываетъ и до шести и семи), которыхъ они покупаютъ у родителей или ближайшихъ родственниковъ за *калымъ*, т. е. извѣстную плату, обыкновенно отсчитываемую скотомъ, овцами и лошадьми,—и затѣмъ уже считаютъ своей законной собственностью. Если невѣсту похищаютъ, что случается нерѣдко, то цѣна впоследствии посылается по уговору.

Такъ какъ все время мужчинъ занято стадами, охотой и торговлей, то все прочія работы возложены на женщинъ: онѣ ставятъ и снимаютъ шатры, стригутъ овецъ, дѣлають войлокъ, плетутъ тесьмы, крутятъ веревки и т. д., не говоря уже объ обыкновенныхъ женскихъ работахъ: доеніи коровъ, овецъ и кобылъ, дѣланіи сыра и кумыса, уходъ за дѣтьми.

Гнетущій дневной зной лѣтомъ всѣхъ принуждаетъ уходить въ шатры, тѣмъ болѣе что это почти единственное время, въ которое можно спать спокойно, не страдая отъ комаровъ—ужаснаго бича степей. Такъ какъ въ эту пору все спитъ, а пастухи со стадами—въ полѣ, то въ станѣ господствуетъ глубокая тишина. Тѣмъ шумнѣе бываетъ по утрамъ и въ особенности вечерамъ, когда стада возвращаются для доенія. Уже издали они заявляютъ о себѣ блеяніемъ, мычаніемъ, ржаніемъ—и этимъ будятъ весь станъ. Женщины собираютъ свои шайки; старики, охая и кряхтя, выползаютъ изъ шатровъ, чтобъ послушать новостей; дѣти готовятся ловить и загонять телятъ и жеребятъ, и съ радостнымъ крикомъ бросаются на встрѣчу стадамъ, точно это для нихъ новость.

Подходя къ стану, пастухи раздѣляютъ стадо на кучи, и дѣти принимаются за работу. Подъ страшный шумъ, хохотъ, крикъ, начинается гоньба—и продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ телята и жебята, будучи изловлены и привязаны, образуютъ одинъ кругъ. Каждая корова становится подлѣ своего теленка, каждая кобыла подлѣ своего жеребенка, такъ что при доеніи ни одна не можетъ быть обойдена. Все это время не прерывается воркотня и ругань женщинъ, командованіе па-

стуховъ, ржаніе и мычаніе стада. Послѣ доенія, телятъ и жеребятъ отвязываютъ—и стадо нѣкоторое время отдыхаетъ, пока на ночь его опять не погонять дальше отъ шатровъ.

Зимой за стадами нѣтъ никакого ухода; они сами должны выкапывать себѣ кормъ подъ снѣгомъ копытами, и не защищены ни чѣмъ отъ непогоды, мороза и мятелей,—такъ что въ очень холодныя зимы гибнетъ множество скота, больше чѣмъ даже въ лѣтнюю засуху. Говорятъ, что испаренія отъ большого количества палаго скота часто причиняютъ чуму; это весьма вѣроятно, если вспомнить, что о закапываніи мертвыхъ животныхъ въ землю, при многочисленности стадъ, не можетъ быть и рѣчи. Главнымъ образомъ стада состоятъ изъ овецъ и лошадей; затѣмъ слѣдуетъ рогатый скотъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и верблюды.

Овцы быстро жирѣютъ отъ травы, растущей изъ соляной почвы, и у нихъ сзади наростаетъ *курдюкъ*, какъ бы подушка, въ которой накапливается до пяти фунтовъ сала. Одногорбые верблюды служатъ выюными животными караванамъ, ходящимъ между Бухарой и русскими торговыми городами. Лошади невелики, костлявы, и невзрачны, даже не особенно сильны, но удивительно быстры и выносливы. Ихъ продаютъ обыкновенно дикими—и нужно большое терпѣніе и искусство, чтобы приучить ихъ ходить въ упряжи. Гораздо рѣже случается чтобы на лошади нельзя было ѣздить, потому что киргизъ не спрашиваетъ, выѣзжена ли она или нѣтъ, а вскакиваетъ, когда случится надобность, на перваго попавшагося коня,—и ужъ тогда, какъ бы конь ни прыгалъ, ни поднимался на дыбы, ни бросался—ни что не помогаетъ: всадникъ точно криосъ къ нему; послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ сброситъ съ себя сѣдока, лошадь стрѣлою мчится въ степь, нѣсколько часовъ побѣситъ, потомъ утомится, усюкоится и послушно даетъ собою управлять. Это удивительное умѣніе киргизовъ обращаться съ лошадьми—происходитъ отъ того, что они съ малолѣтства привыкли къ нимъ и научаются по нимъ лазать почти прежде чѣмъ ходить. У каждой *каши* всегда привязано нѣсколько осѣдланыхъ лошадей, которыя и служатъ молодому поколѣнію для гимнастическихъ упражненій,—причемъ весьма рѣдко случается несчастіе, благодаря добродушію животныхъ. Если малюткамъ удастся отвязать одну лошадь—ихъ нѣсколько на нее влѣзаютъ и скачутъ съ крикомъ и ликованіемъ по степи; конечно, каждый свалится несмѣтное число разъ, но черезъ это постепенно научается крѣпко сидѣть.

Когда мальчику минетъ восемь или девять лѣтъ, его подвергаютъ особаго рода искусу, послѣ котораго онъ признается настоящимъ всадникомъ. Когда гонять стадо съ пастбища въ станъ, мальчика сажаютъ на лучшаго бѣгуна и крѣпко привязываютъ къ сѣдлу. Шестивѣ совершается сначала медленно, пока идущій впереди пастухъ чего-то не гаркнетъ стаду. Тогда оно вскачь бросается къ шатрамъ, гдѣ посвященнаго, почти безчувственнаго отъ испуга и быстрой ѣзды, снимаютъ съ лошади. Съ тѣхъ поръ онъ уже каждый день ѣздитъ на пастбище и назадъ—и въ скоромъ времени научается скакать непривязаннымъ. Киргизу ничего не значитъ на полномъ скаку поднять съ земли платокъ или монету. Въ торжественныхъ случаяхъ у нихъ устраиваются такія игры, а также стрѣльба въ цѣль изъ лука, единоборство и пр.

Самый лучший случай выказать свое наѣздничество

и ловкость—представляет киргизамъ охота на волка; они отправляются на нее верхомъ—и единственнаго врага ихъ стада, съраго звѣря, до смерти забиваютъ нагайками. Чтобы достать его нагайкой, имъ нерѣдко приходится цѣпляться за лошадь одной ногой да за гриву одной рукой. Такъ какъ они съ-измала цѣлый день въ сѣдлѣ и, когда скачутъ, стоятъ на стременахъ, то у нихъ у всѣхъ кривыя ноги. Женщины, хотя и не могутъ помѣряться съ мужчинами, однако тоже хороши наѣздицы, ужь конечно не съ дамскими сѣдлами.

Безпрестанно случается кража лошадей и подаетъ поводъ къ долгимъ препирательствамъ. Чуть только одна орда замѣтитъ, что сторожа у сосѣдей орды небрежны, — тотчасъ рѣшаетъ снять лагерь. Къ вечеру который-нибудь изъ самыхъ ловкихъ наѣздицковъ крадется на пастбище, высматриваетъ удобную минуту, и, набросивъ на одну лошадь узду, вскакиваетъ на нее и мчится, въ то же время заманивая часть табуна за собою. Настухи бросаются удерживать лошадей и этимъ даютъ возможность вору удалиться—и воротиться къ своимъ, которые ждутъ его, готовые подняться въ путь. Ихъ конечно не оставляютъ въ покоѣ, а долгое время преслѣдуютъ. Такимъ образомъ возникаютъ безпрерывныя мелкія войны, поводомъ къ которымъ также нерѣдко служитъ похищеніе женщинъ.

Киргизы — мусульмае, но исламизмъ ими сильно

измѣненъ и приспособленъ къ ихъ характеру. Кромѣ того у нихъ сохранились разные обряды, свидѣтельствующіе о поклоненіи звѣздамъ и духамъ хранителямъ стада.

Плясокъ у нихъ, кажется, нѣтъ совсѣмъ; а пѣсни ихъ необыкновенно однообразны, заунывны и тихи — истинное подобіе монотонности степеней. На веселыхъ празднествахъ эти грустные напѣвы, хотя не лишены благозвучія, какъ-то не умѣста.

Въ извѣстныя времена киргизы подходятъ къ городамъ, съ которыми ведутъ значительную мѣшовую торговлю — вымѣнивая войлокъ, овецъ, лошадей на муку, деревянную и желѣзную посуду и предметы роскоши. Всѣхъ больше съ ними торговыхъ сношеній имѣютъ Оренбургъ, Троицкъ и Петропавловскъ. Сотни тысячъ овецъ каждый годъ закупаютъ наши купцы и рѣжутъ ихъ ради сала, которое отсылается за границу. Въ Екатеринбургѣ два раза въ годъ бывають ярмарки, на которыя приводятъ много сотенъ накупленныхъ въ степяхъ лошадей, особенно полезныхъ для обозовъ, по своей выносливости. Ихъ тоже много берутъ въ кавалерію.

Кромѣ названныхъ городовъ, этотъ мѣшовый торгъ производится и во всѣхъ маленькихъ острогахъ. Съ бухарской стороны главные центры его — Ташкентъ, Самаркандъ, Хива.

Политическое обозрѣніе.

Надежды на миръ, которыя возникли было при извѣстіи о переговорахъ, возложенныхъ на г. Жюль-Фавра, министра иностранныхъ дѣлъ французской республики, — не оправдались. Свиданіе его съ графомъ Бисмаркомъ происходило 20-го сентября въ прусской главной квартирѣ въ Ферьерѣ, замкѣ Ротшильда, близъ Парижа. Прусскій officialный отчетъ объ этомъ свиданіи еще не обнародованъ, а потому мы должны ограничиться изложеніемъ доклада г. Жюль Фавра, напечатаннаго во французскомъ «Journal Officiel». По порученію своего правительства, г. Жюль Фавръ черезъ посредство англійскаго посла во Франціи, лорда Лайонса, спросилъ графа Бисмарка, желаетъ ли онъ вступить съ нимъ въ переговоры, — на что получилъ отвѣтъ, что хотя нынѣшнее французское правительство не можетъ считаться правильнымъ, но переговоры могутъ быть начаты съ успѣхомъ, если оно представитъ достаточныя гарантіи въ исполненіи имѣющаго быть заключеннымъ трактата. При свиданіи съ графомъ Бисмаркомъ, г. Жюль Фавръ началъ съ заявленія, что Франція желаетъ мира, но что она твердо рѣшилась не принимать никакихъ условій, при которыхъ этотъ миръ былъ бы только ненадежнымъ перемиріемъ. На это графъ Бисмаркъ отвѣчалъ, что если бы онъ считалъ возможнымъ прочный миръ, то подписалъ бы его немедленно, — но что нынѣшнее французское правительство не въ состояніи поручиться за миръ, потому что если Парижъ не будетъ взятъ черезъ нѣсколько дней, то оно будетъ низвергнуто чернью; онъ утверждалъ, что Франція не забудетъ Седана, какъ она не забыла Ватерлоо и Садовой, и что она имѣетъ постоянное и непремѣнное желаніе произвести нападеніе на Германію. Возразивъ противъ такихъ заявленій своего собесѣдника, г. Жюль Фавръ просилъ его формулировать его требованія—и графъ

Бисмаркъ объявилъ, что безопасность Германіи требуетъ, чтобы за нею оставлены были департаменты, составляющіе Эльзасъ, а также Мозельскій департаментъ съ Мецомъ, Шато-Саленомъ и Суассономъ. Французскій министръ замѣтилъ, что Европа можетъ вступить при такихъ притязаніяхъ со стороны Пруссіи, и что во всякомъ случаѣ необходимо дать Франціи время созвать учредительное собраніе, которое представляло бы собою законную власть; — а такъ какъ графъ Бисмаркъ повидимому расположенъ былъ болѣе вести рѣчь о перемиріи, то г. Жюль Фавръ и предложилъ заключить такое на 15 дней. Условіями перемирія графъ Бисмаркъ поставилъ сдачу Туля, Фальсбурга и Страсбурга, а такъ какъ учредительное собраніе будетъ засѣдать въ Парижѣ, то онъ находилъ нужнымъ занять какой-нибудь парижскій фортъ, напримѣръ Монъ-Валеріанъ; когда же г. Жюль Фавръ сказалъ, что «въ такомъ случаѣ проще было бы потребовать Парижъ», то графъ Бисмаркъ отвѣчалъ: «въ такомъ случаѣ поищемъ другой комбинаціи». Г. Жюль Фавръ предложилъ, что учредительное собраніе откроетъ свои засѣданія въ Турѣ, а потому никакого залога со стороны Парижа не потребуется; но такъ какъ союзный канцлеръ настаивалъ на сдачѣ Страсбурга, съ тѣмъ чтобы гарнизонъ этой крѣпости сдался военнопленнымъ, то французскій уполномоченный прервалъ переговоры. «21-го сентября—говоритъ г. Жюль Фавръ въ заключеніе своего доклада—я отправилъ ноту графу Бисмарку, объясняя ему, что правительство національной обороны не можетъ принять условій, которыя ему предлагаются для перемирія, — что мы сдѣлали все чтобы возстановить миръ между двумя націями, и что я надѣюсь на справедливость Божию, которая рѣшитъ нашу судьбу».

Условія перемирія, заключавшіяся въ сдачѣ Туля и

ной тѣню, и кроткое выраженіе глазъ зажжотся блескомъ, неблаговиднымъ для его лица. И, подумаешь, что жизнь его вовсе не была полна ни добродѣтелями, ни трудами, ни вліяніемъ, какое бы онъ производилъ на другихъ, а между тѣмъ ни кого бы такъ, какъ отца Гавриила, не хотѣлось почтить титломъ добродѣтельнаго старца. Припомни всю жизнь его и подумаешь, что въ ней чего-то не доставало, что жизнь его чѣмъ-то не полна, и что это что-то оцѣни многое. Счастья, кажется, отецъ Гавриилъ не искалъ въ жизни, да и она сложилась такимъ образомъ, что ему не нужно было ни цѣлей здѣшней жизни, ни удобствъ и пользы ея.

Я помню, какое теплое чувство испытывалъ, когда, будучи уже юношей, на парѣ саврасенькихъ, въѣзжалъ въ село, гдѣ жилъ о. Гавриилъ. Особенно легкой радостью обдало меня, когда я видѣлъ среди маленькихъ деревянныхъ домиковъ каменную церковь, за которую шла аллея березъ, обозначавшая пробѣжку дорожку. Я радовался, глядя на обветшалые домики деревни, напоминающіе старинное время; на мельницу, роптавшую подъ шумъ колесъ на небольшихъ доходахъ свои; радовался, глядя на разбѣянные въ нѣкоторыхъ огородахъ липы, между тѣмъ какъ за ними виднѣлись полныя гряды овощей; глядя на тихое теченіе Тони, которая змѣною обвила село и въ самой срединѣ его, ступилась и расширилась, напирая запертыя воды свои на мельницу. Всего болѣе удивительной казалась мнѣ тишина этого села: привыкши въ деревняхъ слышать лай собакъ, крикъ и смѣхъ ребятишекъ, русскія пѣсни деревенскихъ красавицъ, въ тактъ иногда тяжелою визгу идущаго обоза,—я много удивлялся, не встрѣчая здѣсь ничего подобнаго. Но не скажу, что подобная тишина, давняя селу убогой видъ, досадовала меня; любящій русскій духъ, котораго проявленіе я подмѣчалъ и въ весельяхъ, удалыхъ и печальныхъ пѣсняхъ, и въ молодечествѣ игръ, и въ самомъ положеніи деревенскихъ расказиговъ, и въ замашкахъ топающейся около нихъ молодежи, въѣзжая въ село, гдѣ жилъ о. Гавриилъ. Эта тишина села какъ бы впередъ говорила тебѣ о предстоящей тихой бесѣдѣ съ о. Гаврииломъ и о той мирной обстановкѣ, которая обаятельно дѣйствовала на меня, словно топящаяся въ сумракѣ печь, въ то время, какъ между дико растущими вдалекѣ кустарниками слышатся отдаленные звуки пѣсни... И вотъ противъ самой церкви колокольчикъ умолкаетъ, деревянный домикъ на каменномъ фундаментѣ предстаетъ предъ тобой во весь ростъ, со своей старинной крышей, по которой спокойно ходятъ голуби. Но прежде, чѣмъ говорить объ этой встрѣчѣ съ моимъ предкомъ, я долженъ познакомить читателя съ обстановкой и тѣми впечатлѣніями, которыя я подучилъ въ домѣ о. Гавриила еще въ дѣтствѣ.

О. Гавриилъ давно живетъ въ этомъ старенькомъ домикѣ, въ которомъ жилъ и отецъ его, и дѣдъ, а потому подробное описаніе его дома полезно было бы для исторіи русской архитектуры, начало которой идетъ еще съ тѣхъ поръ, какъ стали на Руси мѣнять землянки и шаалы на гонимцы и свѣтлицы. Но такъ какъ этотъ домъ стоитъ и до сихъ поръ цѣлымъ, замѣнивъ неказистую и старую фizioномію свою нѣкоторыми поправками, надстройками и подстройками, то описаніе его было бы излишне даже и для исторіи архитектуры. Что мнѣ нравилось, и что я находилъ характернымъ въ этомъ домѣ, такъ это два старинныхъ, съ нѣсколькими ступенями, крыльца, съ дубовыми крышами, устроенными для того, чтобы какъ хозяйка, такъ и гости, здороваясь, не протрудили открытыя головы своихъ во время непогоды. Едва вашъ ямщикъ отворялъ со скрипомъ одну поду воротъ, какъ въ то же время трещала красная дверь блага крыльца, и высовывалась съ восклицаніями голова Борисовны, старой кухарки, прислуживающей, съ давнихъ поръ, въ домѣ о. Гавриила. Послѣ всѣхъ этихъ, несомнѣнно приятныхъ, звуковъ, въ видѣ старца въ подбитомъ етеганомъ подрясникѣ, сходящаго съ крыльца, и при видѣ его кроткаго лица, едва только до вашего слуха долетали первые звуки его мягкаго голоса, какъ вся эта, возбужденная въ душѣ вашей скрипомъ и свистомъ, дисгармонія мгновенно исчезала; вѣдуясь съ нимъ еще на крыльцѣ, вы чувствовали, что какое-то благодатное чувство, родня родственному, начинаетъ околдовывать васъ, успокаивая ваши тревожные помыслы. Въ комнатахъ, необитыхъ обоими, съ краснымъ поломъ, вы, сяди въ тихой бесѣдѣ съ

о. Гаврииломъ, между тѣмъ, какъ изъ раствореннаго окна дышалъ ароматъ цвѣтущихъ яблонь и кустарниковъ, вы, чаруемые старинной, поражающей васъ во всемъ окружающемъ, получали то тихое и мирное удовольствіе, которое я такъ высоко цѣню.

Наискось противъ дома о. Гавриила, въ кругломъ большомъ домѣ, жилъ неразлучный спутникъ о. Гавриила и товарищъ его по службѣ—о. дьяконъ, также старикъ лѣтами. Въ этихъ двухъ мужахъ сосредоточивался совершенно особый мѣръ, такъ непохожий на нынѣшній: ихъ слова, тонъ голоса, ихъ характеръ и молчаніе въ-время, не оскорбляющее никого изъ собесѣдниковъ, отдѣляли ихъ отъ числа другихъ людей, другихъ стариковъ. О. дьяконъ былъ нѣсколько потоще и пониже о. Гавриила, и морщины имѣлъ поглубже и чаще. Но старческая и не много рябоватая фizioномія о. дьякона, съ густыми еще волосами, не производила такого пріятнаго впечатлѣнія на первый разъ, какъ доброе лицо о. Гавриила. Послѣдній былъ выше ростомъ; волоса у него были длиннѣе, хотя и рѣже; за то прямая осанка и слова, мягкія до музыкальности, дѣйствовали болѣе на вашу душу. Я помню: о. Гавриилъ ходилъ въ синемъ подрясникѣ, съ двумя пуговицами назадъ; о. дьяконъ чаще носилъ красно-коричневую рясу, а подрясникъ подъ ней всегда былъ простого трико. О. дьяконъ былъ характера мягкаго: онъ боялся оскорбить другихъ; о. Гавриилу природа дала такое сердце, что онъ не могъ оскорбить другихъ, не нарушивъ гармоніи внутренняго своего духа. О. Гавриилъ любилъ все благословлять и славить, и любоваться всѣмъ хорошимъ въ природѣ, поэтому постоянная поговорка его была: «Господь съ тобой! Господь благослови!» О. Дьяконъ любилъ больше радоваться, и при восхищеніи выражаетъ свое удовольствіе словами: «Господь-те встрѣчу!»

— Господь съ тобой! какъ ты запоздалъ сегодня, о. дьяконъ, — скажетъ о. Гавриилъ, выпивъ рюмку водки.

— А, Господь-те въ встрѣчу! я и самъ обрадовался не мало, увидѣвшись съ тобой, о. Гавриилъ! отвѣтитъ просто душою о. дьяконъ.

И такой дружественной лаской начиналось каждоедневное дружественное ихъ свиданіе.

II.

О. Гавриилъ и о. дьяконъ вели обиходную жизнь. Но прежде, чѣмъ начать продолжатъ исторію жизни этихъ двухъ духовныхъ, я долженъ сказать, что о. Гавриила величали по отчеству Никоничемъ, а о. дьякона Павломъ Ивановичемъ Рѣдниковымъ. Здѣсь же я позволю себѣ называть ихъ отцами, потому что ихъ иначе и не называли, да едва-ли въ селѣ и знали, какъ по имени зовутъ о. дьякона. Самъ онъ себя не заявлялъ въ селѣ ничѣмъ: ни хорошимъ, ни дурнымъ, не обижался и не сердился, не приглашалъ и не ходилъ въ гости къ крестьянамъ, а извѣстно, что прихожане тогда только начинаютъ звать по имени и отчеству своего дьякона, когда много покороче сойдутся съ нимъ и будутъ доводить ему кумами и сватами.

Павелъ Ивановичъ жилъ давно уже, какъ и о. Гавриилъ, одинокимъ вдовцомъ. Покойная жена его была характерная женщина, не по его совершенно складу характера, и по силѣ своего предъ нимъ физическаго и нравственнаго преимущества, всегда держала его въ рукахъ. Но времени со смерти ея прошло много, такъ что самъ Павелъ Ивановичъ не вспоминалъ уже своей покойницы. Вдовствомъ и одинокою жизнью онъ былъ очень доволенъ. Изъ дѣтей, осталась отъ жены одна дочь, которая была собой некрасива, ничему не обучена и которую Павелъ Ивановичъ, при помощи одного добраго человека, постарался поскорѣе сбыть, выдавъ замужъ за городского мѣщанина. Этимъ добрымъ человекомъ и орудіемъ, управлявшимъ свадьбой, была дальняя родственница Павла Ивановича, пожилая женщина, которая жила въ его домѣ и завѣдывала его хозяйствомъ. Эта родственница была женщина набойная, во храмъ Божій ходила въ русскомъ сарафанѣ и ухаживала за Павломъ Ивановичемъ, какъ за ребенкомъ. Въ домѣ стояла тишина, а Павелъ Ивановичъ любилъ тишину, хотя о. Гавриилъ еще менѣе былъ разговорчивъ.

О. Гавриилъ тоже несъ давно вдовство; но жизнь его была какъ то сложнѣе обстоятельствомъ и разнообразнѣе. Онъ часто, въ бесѣдѣ съ Павломъ Ивановичемъ, любилъ вспоминать жену свою. При женѣ, онъ, говорятъ, былъ бодрѣе и красивѣе. Блѣдное лицо его горѣло тогда самымъ живымъ румянцемъ, разговоръ его тогда былъ продолжительнѣе

и громче. Небѣсту свою онъ увидалъ два раза въ церкви и съ сильнымъ жаромъ упрямивалъ родственниковъ своихъ ускорить свадьбу. Но въ старости онъ казался мнѣ почему-то прекраснѣе. Если бы кто спросилъ меня, въ какой періодъ рисовать портретъ о. Гавриила, я не задумываясь бы отвѣтилъ: рисуйте его старикомъ. А какъ шли съ-двину и морщины къ его лицу—чуждо!

А это молчаніе, придающее солидность, смѣшанную съ такой безмолвно-говорящей добротой, какъ все это шло къ его росту и осанкѣ, прямой и красивой! Я любилъ этого старца.

Чтобъ утѣшить въ горести, причиненной утратой молодой жены, судьба вручила попеченію о. Гавриила сына, живой образъ покойницы, рожденіе котораго стоило жизни матери. О. Гавриилъ стесался, крушился, отчаявался, но, увидя оставленное его женой существо, улыбой и лицомъ положее на мать, онъ скоро, какъ и всегда бываетъ, утѣшился. Съ ростомъ дитяти, росли и надежды его. О. Гавриилъ хотѣлъ самъ обучать маленькаго сына азбукѣ и чтенію псалтыря, но едва только онъ усадилъ его за букварь, какъ малютка, слабый и болѣзненный отъ рожденія, скончался. Хотя эта вторая утрата не такъ сильно, какъ первая, подѣйствовала на него, (ибо человекъ ко всему можетъ привыкнуть,—и къ кровавымъ утратамъ также),—но за то съ этихъ поръ онъ сбѣжало еще молчаливѣе и безучастнѣе къ жизни. Жизнь для него какъ будто потеряла всякую цѣнность и онъ сталъ дожидать дни спокойно, скоро свыкнувшись съ своимъ горемъ и привыкнувъ къ однообразной колѣе своей.

Каждому изъ этихъ одинокихъ вдовцовъ порознь тяжело было бы дожидать своей вѣкъ, если бы благодѣтельная судьба не попеклась о нихъ, свела ихъ вмѣстѣ и сдруживъ между собою. Въ привычкахъ, въ складѣ ума и образѣ ихъ жизни много было общаго между ними; но характеры были у нихъ различныя.

О. Гавриилъ и Павелъ Ивановичъ были религиозные люди: каждый воскресный день они оба вмѣстѣ служили обѣдно, а во дни поминовенія, панихиду на могилкахъ. О. Гавриилъ служилъ мягко, тихо, гармонично, а о. дьяконъ говорилъ эктеніи громко, съ удареніемъ, всегда попадая въ тактъ голосившему пономарю. О. Гавриилъ любилъ скромность и уединеніе, а Павелъ Ивановичъ любилъ торжественность и чтобъ свѣчѣй въ церкви горѣло больше.

Павелъ Ивановичъ любилъ видѣть, когда почки березъ распускались въ зеленые бутоны и еще больше заглядывался, когда мальчишки въ бѣжавшихъ клячахъ ставили деревянную мельницу. Павелъ Ивановичъ тогда бывало говорилъ о. Гавриилу: «А смотри, скоро скворчки прилетятъ!» Гнѣздышко имъ надо изготовить, отвѣтитъ о. Гавриилъ. Оба они любили скворчонковъ и наступающую весну. Но природу они любили различно. О. Гавриилъ всегда любовался сбѣлыми колосками, представляющими волнующееся море и алющими золотой блескъ на солнцѣ; Павелъ же Ивановичъ срывалъ и развѣтывалъ одинъ изъ колосцевъ и по сбѣющему зерну проносилъ урожай. Если Павелъ Ивановичъ доводилъ до свѣдѣнія о. Гавриила свои наблюденія объ урожаѣ, то о. Гавриилъ при этомъ случено произносилъ: «Ахъ, зачѣмъ урожай! Храни Господи и помилуй! Православнымъ нужно хлѣбушка!» О. Гавриилъ отворялъ окно, когда буря стихала въ воздухѣ, и уходящія тучи посылали глухіе раскаты грома, въ то время, какъ молніи освѣщала зыбкой далекую часть горизонта. Павелъ же Ивановичъ любилъ идти безъ шляпы, когда рѣзалъ мелкій дождикъ и сидѣлъ въ темномъ углу, когда слышался громъ. Но ни о. Гавриилъ, ни Павелъ Ивановичъ никогда не пили и не ѣли во все продолженіе грозы.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Эпизодъ изъ послѣдняго Киргизскаго возстанія.

Нападеніе на отрядъ барона Штемеля вооруженныхъ шаекъ киргизъ, по дорогѣ отъ озера Джиты-Куль до урочища Казы-Бекъ на р. Уиль *).

Недавно въ одной изъ нашихъ газетъ, въ двухъ номерахъ, была напечатана, по поводу киргизскаго вопроса, передовая статья, въ концѣ которой помѣщался краткій очеркъ движеній нашихъ отрядовъ

*) Въ этой статьѣ слѣдуютъ нѣсколько рисунковъ, изъ которыхъ одинъ помѣщается въ настоящемъ номерѣ. Хотя дѣло барона Штемеля происходило въ маѣ, но читатель, прінявъ въ соображеніе разстояніе, пойметъ, что раньше мы не могли дать этихъ рисунковъ.

въ степи и, между прочимъ, нѣсколько словъ о дѣлѣ подполковника барона фонъ Штемпеля. Дѣло это, какъ единственное выражение сильной вооруженной оппозиціи большой массы киргизовъ, противъ введенія новыхъ положеній въ степи, не безинтересно для публики, не могшей изъ вышеупомянутой статьи, не совсѣмъ вѣрной истинѣ, вывести о немъ какаго бы то нибыло правильного понятія, а потому этотъ очеркъ, написанный съ разсказа очевидца, имѣетъ цѣлью уяснить сущность дѣла.

Отрядъ барона фонъ-Штемпеля, состоявшій изъ одной роты пѣхоты, двухъ сотенъ уральскихъ казаковъ и двухъ орудій, назначенный на Уильскую ярмарку *), выступилъ въ степь изъ Илецкаго городка въ началѣ мая.

Еще до выступления его, носились слухи, что киргизы намѣрены сдѣлать нападеніе на барона Штемпеля большою массою, а потому отрядъ пошелъ со всевозможными предосторожностями. Походъ, на всемъ разстояніи до Казы-Бека, мѣста расположенія Уильской ярмарки, проиошелъ благополучно и не доходя шестидесяти верстѣ до мѣста, отрядъ встрѣтилъ только двухъ киргизовъ и одну киргизянку, которыхъ и захватилъ съ собой. 20-го мая отрядъ, находясь на разстояніи двухъ переходовъ до Казы-Бека, встрѣтилъ на дорогѣ двухъ киргизовъ, Байжазика и Курпелдиса, которые просили допустить ихъ къ начальнику. Баронъ Штемпель приказалъ привести Байжазика, который имѣлъ отъ правительства медаль, за усердную службу, и былъ строгаемъ ярмарки на Уиль.

Байжазыкъ сообщилъ барону Штемпелю, что собравшіеся недалеко киргизы желаютъ принять новыя положенія и заплатить кибиточный сборъ, и что если между ними есть несогласные на это, то и тѣ не замедлятъ подчиниться требованіямъ закона, и къ этому присоединилъ просьбу — дозволить депутатамъ всѣхъ родовъ собраться къ начальнику отряда для переговоровъ, а чтобы они не могли сомнѣваться при этомъ въ своей безопасности, выслучить захваченныхъ по дорогѣ двухъ киргизовъ и киргизянку. Баронъ Штемпель охотно на это согласился, тѣмъ болѣе, что послѣдніе не оказывали никакого сопротивленія.

Байжазыкъ, захвативши плѣнныхъ, уѣхалъ вмѣстѣ съ Курпелдисомъ, а отрядъ двинулся далѣе; но не прошло и часу, какъ со всѣхъ сторонъ сразу появились огромныя массы вооруженныхъ киргизовъ, часть которыхъ съ неистовымъ крикомъ бросилась на хвостъ обоза.

Нужно замѣтить, что киргизы выбрали чрезвычайно удачный моментъ атаки: степь въ этотъ мѣстъ представляла видъ котловины, огороженной командующими возвышенностями, и когда весь отрядъ втиснулся въ нее, то былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ.

При отрядѣ находился очень большой воловий обозъ; движеніе его вообще медленно, а сильныя жары, которые въ то время наступали, до такой степени увеличили его растянутасть, что киргизамъ совершенно безнаказанно удалось отбить 16 подводъ.

Баронъ Штемпель вызвалъ артиллерию на позицію, но стрѣлять положительно не было возможности, не повредивъ своему арьергарду, который въ это время спѣшилъ присоединиться къ главнымъ силамъ.

Киргизы, выпративъ воловъ, угнали ихъ назадъ, а небольшая горсть ихъ, оставшаяся при подводахъ, убита двухъ казаковъ подводчиковъ; такая же опасность угрожала двумъ другимъ, но на помощь къ нимъ въ это время бросился храбрый сотникъ уральскаго казачьяго войска Свѣчкиковъ; онъ изъ револьвера убилъ трехъ киргизовъ, — остальные спаслись бѣгствомъ.

Между тѣмъ отрядъ въ это время успѣлъ ужъ стянуться; устроивъ изъ повозокъ каре, внутри котораго помѣстились загнанные волы и лошади, а по фасамамъ распредѣлились люди, баронъ Штемпель готовился къ упорной оборонѣ.

Киргизы на этотъ разъ не повторили атаки, а только окруживши отрядъ со всѣхъ сторонъ, въ разстояніи двухъ верстѣ отъ него остановились, выдѣлившись изъ своей массы отдѣльными наѣздииковъ (батерей).

Нужно отдать полную справедливость неустрашимости этихъ немногихъ дикихъ уральцевъ, совсѣмъ не гармонирующей съ тою непостижимою трусостью, которую оказывала въ это время громадная масса вооруженныхъ киргизовъ, окружившая нашъ отрядъ.

Подскакивая на разстояніи 30 шаговъ къ фасамамъ каре, и производя, по пути, необыкновенныя эволюціи, исключавшія возможность вѣрныхъ выстрѣловъ съ нашей стороны, они дѣлали выстрѣлы изъ своего дряннаго ружья и, осыпаясь нашими пулями и бранью солдатъ, бросаясь на сѣдла вверхъ ногами, съ хохотомъ улетали къ своимъ, не оставляя почти ни одного тѣла жертвой своего фанатическаго неистовства *).

Баронъ Штемпель видя, что пули наши тратятся даромъ, запретилъ стрѣлять по отдѣльнымъ всадникамъ.

Обружившаяся масса киргизовъ не переставала издавать самый ужасный ревъ и подъ конецъ стала отдѣлять отъ себя отряды для атаки, но два-три выстрѣла картечной гранаты прекратили ихъ въ самомъ ихъ началѣ. Стало смеркаться и окружающія массы киргизовъ скрылись, оставивши отрядъ нашъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи новаго нападенія.

Вся ночь однако прошла спокойно и на другой день рано утромъ баронъ Штемпель двинулся по направленію къ озеру Джиты-Куль, но не дойдя до него 3 верстѣ, отрядъ снова былъ атакованъ тою-же массою киргизовъ, которая усиленными нападеніями со всѣхъ сторонъ, заставила его остановиться.

День былъ необыкновенно жаркій и даянѣйшее движеніе отряда впередъ, не напоивши воловъ, дѣлалось положительно невозможнымъ, а киргизы между тѣмъ съ особеннымъ упорствомъ отставали доступъ къ озеру и едва только появлялся въ каре проходъ для выгона скота на водопой, они стремительно бросались впередъ, угрожая отбить его. Баронъ Штемпель приказалъ рыть колодезь внутри каре, но труды эти пропали даромъ; вырытый болѣе чѣмъ на сажень, грунтъ не обнаруживалъ и признаковъ воды.

Положеніе отряда дѣлалось крайне критическимъ: положительно отсутствіе воды отнимало возможность даянѣйшаго движенія транспорта; извѣстія о другихъ отрядахъ не было, слѣдовательно помощи ожидать было неоткуда; съѣстные припасы приходили къ концу и сухарей оставалось не болѣе какъ на 5 или 6 дней, а до перваго населеннаго пункта, Калмыковскаго форпоста, оставалось болѣе 200 верстѣ. Двое чабаровъ, (киргизовъ, хорошо знакомыхъ со степью и служащихъ въ отрядахъ для посылокъ) посланы были изъ отряда, — одинъ къ военному губернатору уральской области, а другой въ ближайшій отрядъ подполковника Рукина, но ни одинъ изъ нихъ не возвратился назадъ.

Нужно было то что бы то ни стало подойти къ водѣ и баронъ Штемпель, выждавъ время, когда атаки киргизовъ стали утихать, направился къ озеру. Нужно замѣтить, что въ этомъ случаѣ отрядъ двигался въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ стоялъ на мѣстѣ: т. е. обозъ продолжалъ сохранять форму каре, по фасамамъ котораго солдаты и съѣстные казаки отстрѣливались по пути. Кое-какъ отрядъ удалось подойти къ озеру. На другой день баронъ Штемпель думалъ двинуться къ Джаманъ-Сай, но тутъ киргизы избрали новый способъ нападенія, замѣчательный по своей безопасности для атакующихъ и обильный въ употребленіи ни въ одной изъ европейскихъ войнъ. На разсвѣтъ отрядъ нашъ замѣтилъ множество отдѣльных всадниковъ, къ косягамъ лошадей которыхъ были привязаны большія конныя сѣна, собранныя киргизами въ окрестностяхъ озера. Эти конныя складывались въ разныхъ мѣстахъ и когда сѣна собрано было достаточное количество, оно было зажжено: киргизы хотѣли сжечь отрядъ и воспользовались попутнымъ вѣтромъ, чтобы привести въ исполненіе эту операцію.

Отрядъ тотчасъ-же принялъ мѣры предосторожности и, выкопавъ вокругъ каре небольшой ровыкъ, выложилъ внутреннюю его сторону кошками, снятыми со стѣнокъ юлаемекъ, (родъ стѣнной кибитки, замѣняющей для отряда наши палатки). Къ счастью, въ это время вѣтеръ переѣхнулъ направленіе и пламя и дымъ повернули на самихъ-же киргизовъ.

Видя безуспѣшность этой воинственной попытки, киргизы снова обратились къ своимъ криклымъ атакамъ, и если отрядъ при этихъ условіяхъ наканунѣ сдѣлалъ 2 съ половиной версты, то конецъ перехода, ни въ какомъ случаѣ въ этотъ день не могъ пройти отъ 18 до 20 верстѣ — цѣлѣй переходъ до рѣки Джаманъ-Сай, обороняясь все время

отъ ежеминутныхъ атакъ; въ особенности, если къ этому присовокупить крайнее угнетеніе людей, которымъ въ продолженіи цѣлой ночи строго запрещено было покидать свои мѣста на фасахъ каре. Всѣ эти и слѣдующія сутки отрядъ, непрерывно отстрѣливаясь, простоялъ на мѣстѣ. На третій день жара уменьшилась и немного отдохнувшій отрядъ двинулся на Джаманъ-Сай, провожаемый все время вооруженной массою, которая, кромѣ своихъ атакъ, пользовалась каждымъ попутнымъ вѣтромъ по направленію къ нашей колоннѣ, чтобы зажечь траву и тѣмъ истребить отрядъ при помощи сильнаго натиска, въ случаѣ появленія въ немъ отъ огня замѣшательства и беспорядка.

На Джаманъ-Сай киргизы опять дѣлали нападеніе, которое началось въ 5 часовъ вечера и окончилось въ 11^{1/2} ночи. Въ теченіи этихъ 6^{1/2} часовъ толпы киргизовъ ни на минуту не давали отдыха нашему отряду и удалились только тогда, когда совсѣмъ стемнѣло.

На слѣдующій день, 24 мая, отрядъ направился на рѣку Уиль, къ урочищу Казы-Бекъ и проважались его все время киргизы согласились наконецъ на рѣшительный ударъ; громадная масса ихъ, отдѣлившись, смѣло бросилась въ атаку, но находившемуся при одномъ изъ нашихъ орудій фейерверкеру Сабатову удалось послать очень мѣткій выстрѣлъ картечной гранаты, которая, попавъ въ самую средину атакующихъ киргизовъ, произвела въ нихъ ужасную суматоху. Этотъ выстрѣлъ положилъ предѣлъ воинственнымъ предпріятіямъ бунтующихъ киргизовъ и они, скрывшись, на этотъ разъ болѣе не показывались. Такъ какъ, вслѣдствіе всѣхъ этихъ беспорядковъ, въ окрестностяхъ Казы-Бека, ярмарки на Уиль быть не могло, то отрядъ нашъ остался безъ провіанта въ 180 верстахъ отъ Калмыкова.

Отрядный адъютантъ, хорунжій Бардинъ, получивъ разрѣшеніе отъ подполковника барона Штемпеля отправиться въ г. Уральскъ — извѣстить губернатора о положеніи отряда, не дождавъ Калмыковскаго форпоста, былъ захваченъ киргизами, вмѣстѣ съ провожавшими его чабарамъ, и зарѣзанъ.

Не получая никакихъ извѣстій, баронъ Штемпель двинулся въ Калмыково и дошелъ до этаго форпоста въ 6 дней, не встрѣтивъ ни одного киргиза.

Участвовавшіе въ дѣлѣ подъ Джаманъ-Саемъ киргизы, говорили послѣ, что ихъ было до 20 тысячъ и навшо утверждали, что если имъ и не удалось одержать побѣду надъ барономъ Штемпелемъ, то только потому, что онъ раньше ихъ выпросилъ себѣ у Бога побѣду и что пророкъъ наказалъ ихъ за позднюю молитву.

Н. Ф.

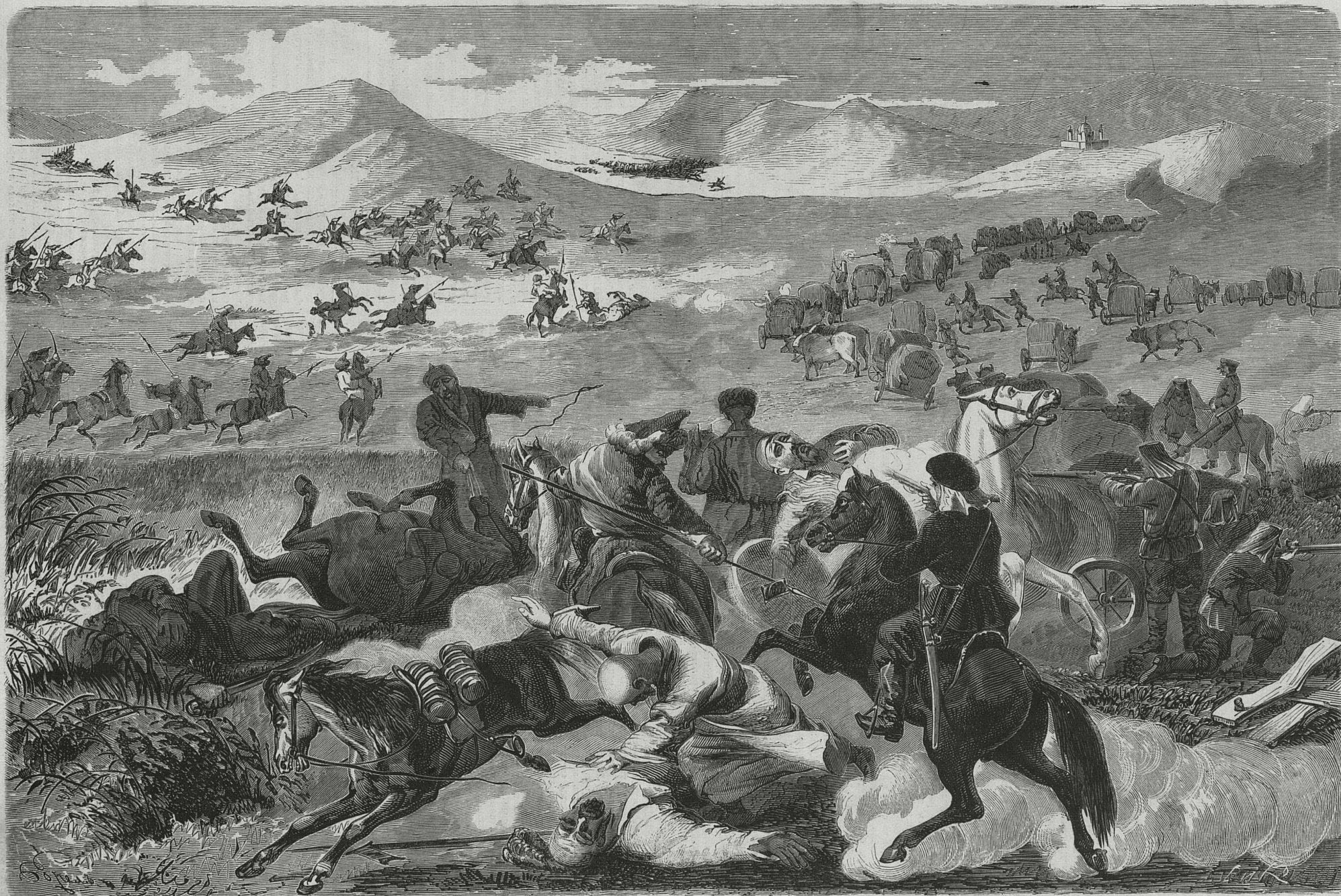
Новости по военному и морскому дѣлу.

Въ послѣдней книжкѣ «Journal of the Royal United Service Institution» помѣщена статья г. Мокки «объ оборонительныхъ средствахъ Великобританіи». Въ статьѣ этой г. Мокки разбирается предложеніе капитана Миди, объ устройствѣ пловучаго форта для обороны береговъ и гаваней. Статья эта возбуждала живые толки, какъ между англійскими моряками, такъ и между инженерами. Сущность предложенія г. Миди состоитъ въ слѣдующемъ: для достиженія болѣе высокой подвижности въ оборонѣ, а также для избѣжанія издержекъ, требующихъ устройствомъ дорого стоящаго основанія морскихъ фортовъ, г. Миди предлагаетъ устраивать пловучіе броненосные форты. Проектируемый имъ фортъ состоитъ изъ плоскостнаго крестообразнаго судна, съ закругленными углами. Длина каждой крестовины равна 180 футамъ. Фортъ покрываетъ крышею, наклоненною къ горизонту, подъ угломъ въ 19 градусовъ. Стѣны форта также наклонены къ горизонту и составляютъ съ нимъ уголъ въ 22 градуса. Вслѣдствіе этого соединеніе подводной и надводной части форта составляетъ уголъ въ 41 градусъ. Какъ крыша, такъ и корпусъ его покрыты шестидюймовой броней. Уголь, образующійся отъ соединенія крыши съ корпусомъ форта, остеръ какъ ножъ и можетъ повредить любое судно, которое бы захотѣло нанести ему ударъ широкимъ. Возвышеніе этого остраго ребра надъ водою, равно одному футу. Сверхъ крыши, г. Миди предлагаетъ установить куполообразный круглый казематъ, покрытый девятидюймовою броней. Диаметръ каземата равенъ 114 футамъ. Въ казематѣ предлагается помѣщать восемь 600 фунтовыхъ орудій, вращающихся около дула. Для обезпеченія отъ потопленія, вѣтренности форта раздѣлена на девять непроницаемыхъ для воды отдѣленій. На фортѣ предполагается устроить гидравлическій двигатель и установить машину въ 200 силъ. — Скорость хода форта равна шести узламъ.

—Страшная дѣйствительность и быстрота нынѣшняго ружейнаго огня, заставила обратиться къ изысканію средствъ для легчайшаго укрытія войскъ. Вслѣдствіе этого во всѣхъ арміяхъ занялись усиленно обученіемъ даже и линейной пѣхоты устройству легкихъ окоповъ. Съ этою цѣлю капитанъ датской службы Лиеманъ, предложилъ закаленный стальной заступъ, длиной 22 дюйма и вѣсомъ въ 1^{1/2} фунта. Употребляя для рытья этотъ заступъ, войска, какъ уже испытано, могутъ легко

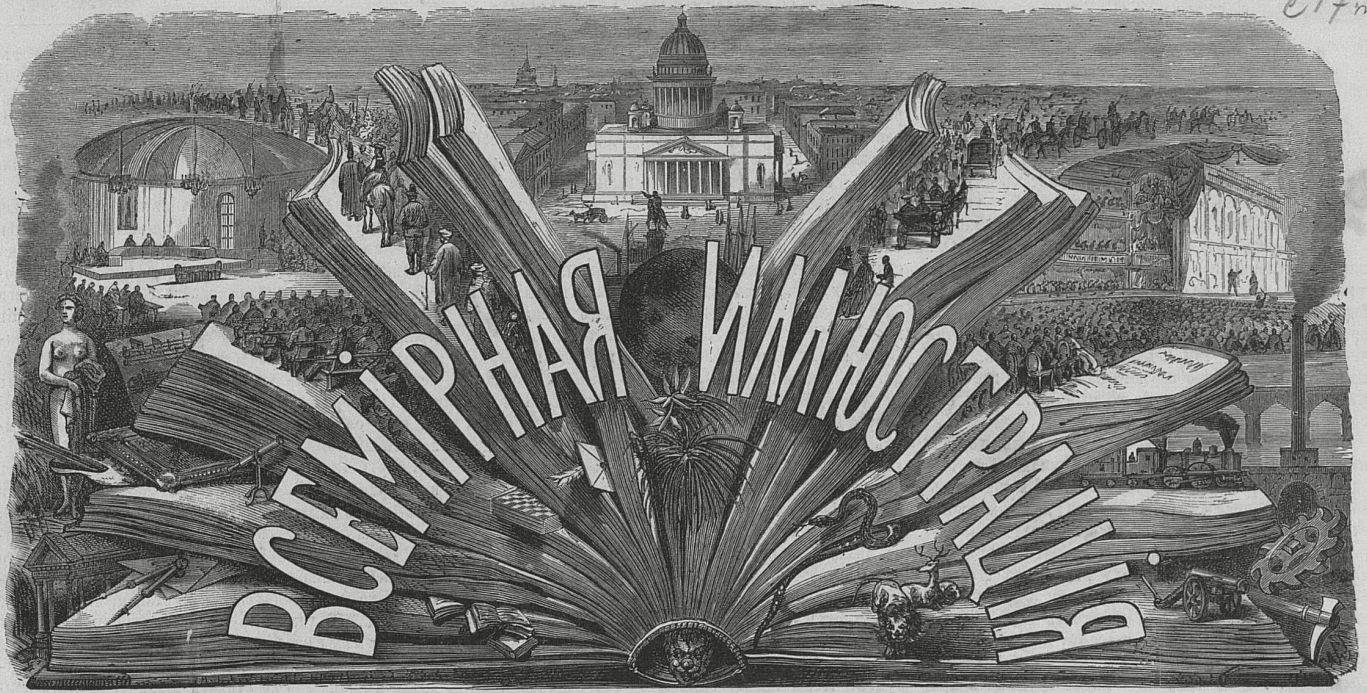
*) На рѣкѣ Уиль, въ 4-хъ верстахъ отъ урочища Казы-Бекъ.

*) Только одинъ джигитъ былъ убитъ пулей, попавшей ему въ глазъ — ровно въ 15 шагахъ отъ фаса каре.

Последнее, 1869 года, Киргизское возмущение: Первая встреча отряда Барона Штемпеля с Киргизами.
(Съ рисунка нашего корреспондента М. Федорова, рисовавъ на деревѣ П. Ф. Борель; гравировалъ Л. А. Сѣряковъ.)

прошел сиф
с 17 м 25 10,

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ ВЪ РОССІИ:
 Въ **С. Петербургѣ**: безъ доставки . . . 12 р.
 съ доставкой . . . 13 р. 50 к.
 съ пересылкою . . . 15 р.
 Въ **Москвѣ** (у книгопродавцевъ Соловьева
 и А. Ланга), безъ доставки . . . 13 р.

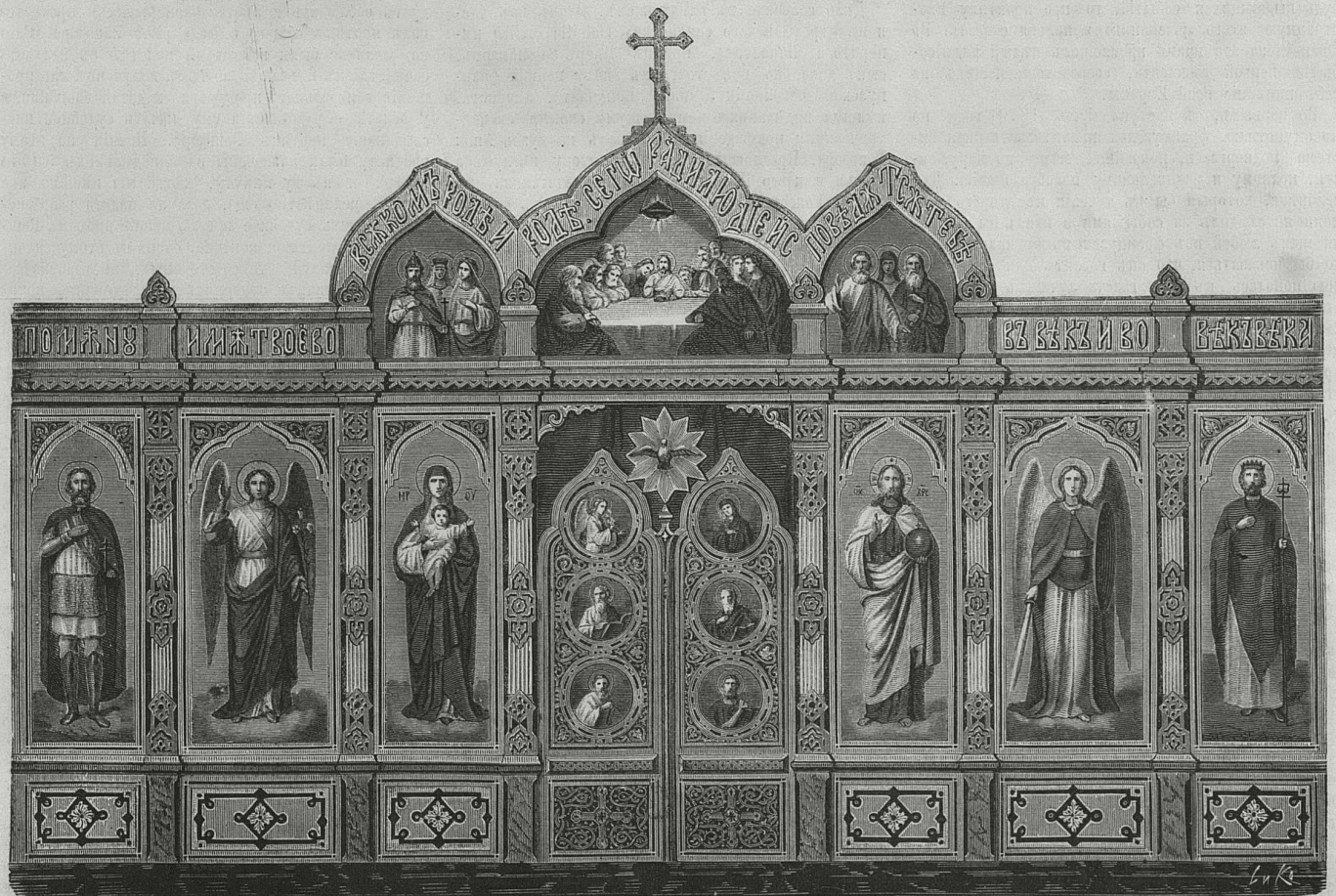
И ГОДЪ, ТОМЪ III. № 54.
 10 Января 1870 года.

Журналъ **ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ** выходитъ
 еженедѣльно, въ форматѣ большого двойного листа
 въ 16 страницъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ ЗАГРАНИЦЕЮ:
 1. Пруссія и Германія. Почтовый содѣзъ . . . 16 р.
 2. Австрія и Румынія . . . 16 »
 3. Бельгія, Швейцарія, Швеція и Сербія . . . 17 »
 4. Франція и Данія . . . 19 »
 5. Англія, Испанія, Португалія и Турція . . . 21 »
 6. Италія и Римъ . . . 19 »
 7. Сѣверные Американскіе соединенные штаты . . . 21 »

2. — Главная контора редакціи „**ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ**“ (Германа Гоппе) находится въ С. Петербургѣ, на Большой Садовой улицѣ, въ домѣ Ильина, № 16.

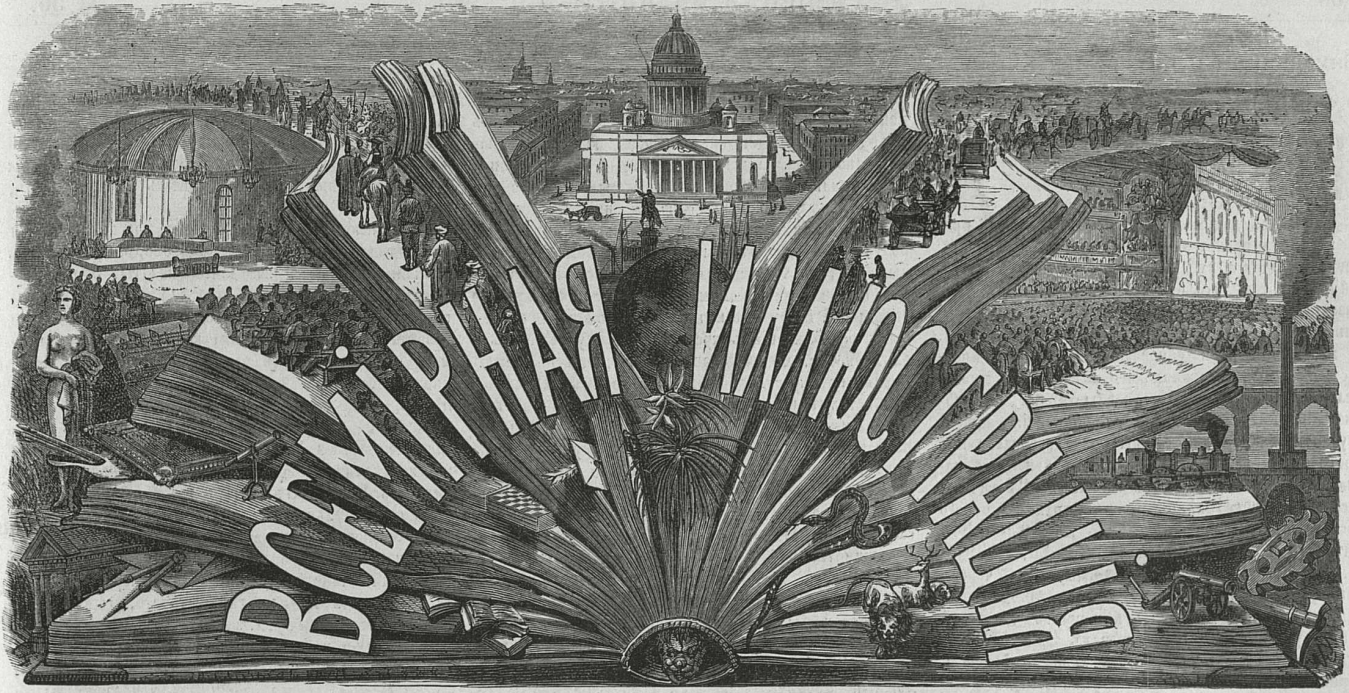
СОДЕРЖАНІЕ: Внутренняя и внѣшняя политика. — Иконостасъ въ церковь г. Вѣрнаго (Семирѣченской области). — Результаты переписи Петербурга 10 декабря. — Новости наукъ и цивилизаціи. — Археологическая находка въ Харьковѣ. — Открытіе Суэзскаго канала (корреспонденція «Всем. Иллюстр.»). — «Старосвѣтскіе духовные». Рассказъ (Продолженіе). — Корреспонденція изъ Праги. — XX мино-вселенскій соборъ въ Римѣ. — Съ Метинскаго моста (корресп. «Всем. Иллюстр.»). — Новости изъ далека. — Историческій дневникъ. — Шахматная задача № 37. — Почтовый ящикъ. — Гербъ кн. Меншиковыхъ. — Объявленія.
РИСУНКИ: Иконостасъ церкви г. Вѣрнаго. — Древо: камень, найденный близъ Харькова. — Открытіе Суэзскаго канала: 1) Церемонія открытія; 2) Проѣздъ Императрицы французомъ въ Оивы; Посѣщеніе гробовъ Египетскихъ царей; 3) Русская эскадра входитъ въ каналъ. — Папа Пій IX. — Западный входъ на соборную эстраду въ церкви Св. Петра въ Римѣ. — Состояніе работъ на Метинскомъ мостѣ, утромъ 31 декабря 1869 г. — Гербъ Кн. Меншиковыхъ.

Иконостасъ церкви г. Вѣрнаго (Семирѣченской области), работы академика В. В. Васильева.
 (Рис. на деревѣ А. О. Адамовъ; гравир. Л. А. Сѣряковъ).

Последнее 1869 г. Киргизское возмание: Вторая встреча отряда барона Штемпеля съ Киргизами.
(Съ рисунка нашего корреспондента, М. Федорова, рис. на деревѣ П. Ф. Борель, гравир. Л. А. Сѣряковъ).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОДЪ ВЪ РОССИИ:
 Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки . . . 12 р.
 съ доставкой . . . 13 » 50 к.
 » съ пересылкою . . . 15 » *)
 *) (Изъ этой суммы 1 р. 80 к. за пер. и 1 р. 20 к. за утак.)
 Въ Москвѣ 13 »

И ГОДЪ, ТОМЪ ИИ. № 56.
 24 Января 1870 года.

Журналъ ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ выходитъ
 еженедельно, въ форматѣ большого двойного листа
 въ 16 страницъ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОДЪ ЗАГРАНИЦЕЮ:
 1. Пруссія и Германія. Почтовый сборъ 16 р.
 2. Австрія и Румынія 16 »
 3. Бельгія, Швейцарія, Швеція и Сербія 17 »
 4. Франція и Данія 19 »
 5. Англія, Испанія, Португалія и Турція 21 »
 6. Италія и Римъ 19 »
 7. Сѣверные Американскіе соединенные штаты 21 »

4. — Главная контора редакціи „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ“ (Германа Гоппе) находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой улицѣ, въ домѣ Ильппа, № 16.

СОДЕРЖАНІЕ: Внутренняя и внѣшняя политика.—Рождественская сѣлка въ Петербургскомъ собраніи художниковъ.—Разныя извѣстія.—Джонъ Стюартъ Милль.—М. И. Доброхотовъ †.—Минно-вселенскій соборъ въ Римѣ (Окончаніе).—Международная художественная выставка въ Мюнхенѣ.—Историческій дневникъ.—Новости по морскому и военному дѣлу.—Новости науки и цивилизаціи.—Некрологи.—Астрономическій календарь.—Шахматы.—Гербъ бывшаго царства Грузинскаго.—Отъ Редакціи.—Почтовый ящикъ.—Объявленія.
 РИСУНКИ: С.-Петербургъ: Елка въ клубѣ художниковъ.—Джонъ Стюартъ Милль.—С.-Петербургъ: Дѣтскій маскарадъ въ клубѣ художниковъ.—М. И. Доброхотовъ †.—Римъ: Минно-вселенскій соборъ: 1) Папа, принимающій на аудіенціи часовъ Собора. 2) Церемонія открытія собора въ перви Св. Петра.—Послѣднее 1869 года киргизское возстаніе: 1) Русское войско въ степи. 2) Депутация киргизовъ, приносящая повинную начальству русскаго войска. 3) Амандикъ, убійца поручика Бородинъ.—Гербъ бывшаго царства Грузинскаго.

С.-Петербургъ: Елка въ клубѣ художниковъ.
 (Съ наброска Н. А. Богданова, рисовалъ на деревѣ К. А. Брожъ; грав. Л. А. Сѣряковъ).

Последнее, 1869 года, киргизское возстание: Депутация киргизовъ, приносящая повинную начальнику русскаго войска.

(Съ рисунка нашего корреспондента М. Федорова, рис. на дер. П. Ф. Горька, гравир. Л. А. Сьряковъ.)

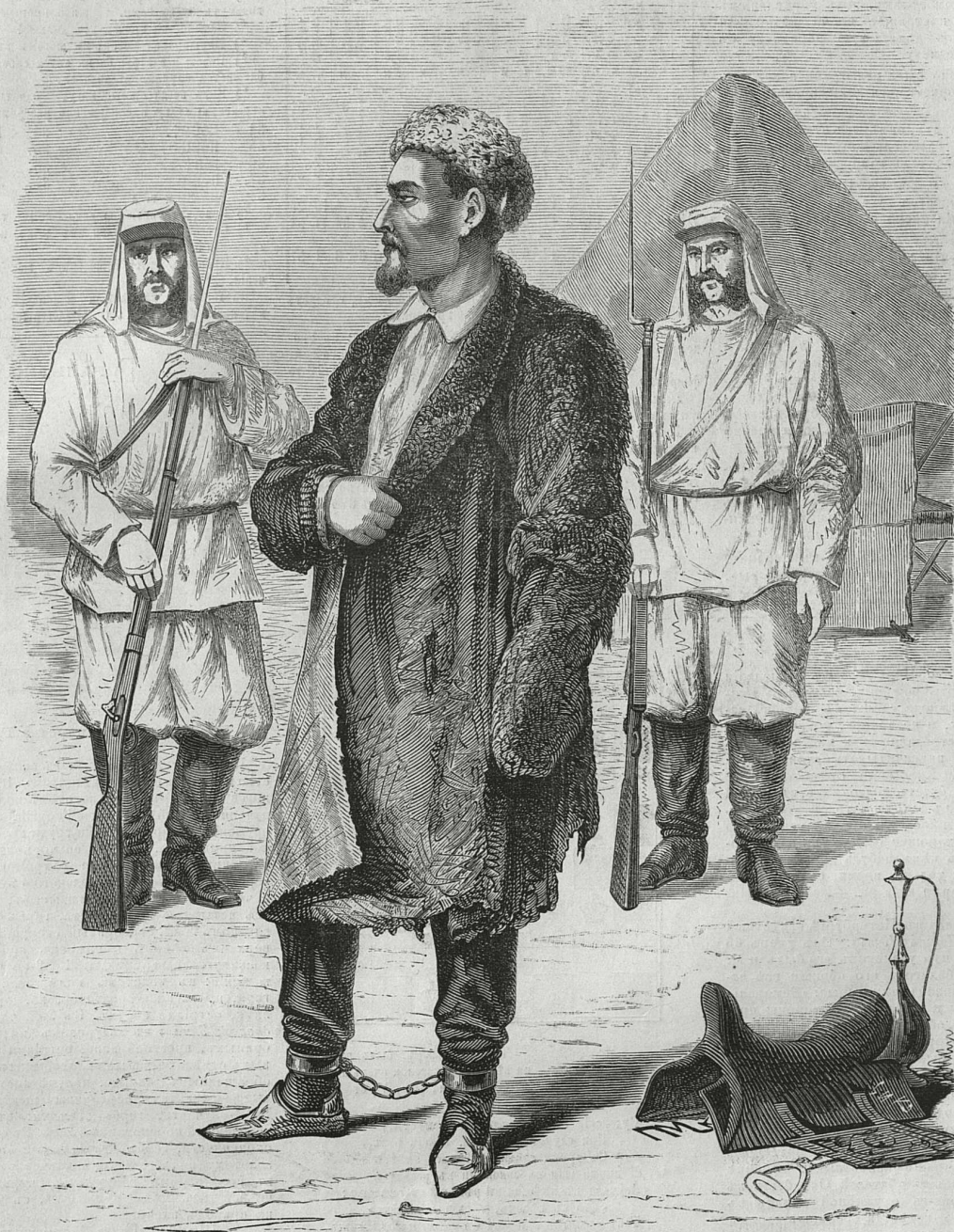
Археологія.

Въ декабрь мѣсяцъ прошлаго года на островѣ Борнгольмъ, близъ Сандегарде, найдено нѣсколько золотыхъ вещей, а именно: 4 монеты, изъ которыхъ три времени Льва I императора византийскаго (457—474), четвертая времени императора Феодосія II (408—450), все эти монеты Константинопольскаго чекана; три золотыя кольца, нѣсколько золотыхъ согнутыхъ прутьевъ, служившихъ вѣкогда вмѣсто монеты. Кроме того найдены обрубленный кусокъ нагрудника, съ пре-

восходными украшениями, небольшая конусообразная пуговица и два небольшихъ слитка золота. Все эти предметы лежали на глубинѣ $\frac{3}{4}$ аршина отъ поверхности земли.

— Мы получили изъ вѣрнаго источника извѣстіе о поднесеніи Государю Императору альбома памятникъ свѣтымъ Североападнаго края. Оригинальные рисунки, въ составленіи которыхъ принималъ непосредственное участіе нашъ талантливый художникъ И. П. Трутневъ, — останутся у Его Императорскаго Величества, а снимки съ нихъ войдутъ въ хромо-литграфическое изданіе, исключительно назначасое для

ученыхъ обществъ и библіотекъ. Средства на него даетъ правительство, равно и на литографическое простое изданіе для публики, которое положено продавать по сходной цѣнѣ. Въ числѣ главнѣйшихъ и наиболье важныхъ для края изображеній, войдутъ: митрополитальный соборъ въ Вильнѣ, тамъ же открытая въ 1843 году пещера св. виленскихъ мучениковъ, икона Одигитри, которую благословилъ Іоаннъ III свою несчастную дочь князю Елену, отправляя ее въ Вильну, для вступленія въ бракъ съ королемъ Польши и Литвы — Александромъ. Также вѣрный снимокъ съ Остробрамской иконы, всегда принадлежавшей

Последнее, 1869 года, киргизское возстаніе: Амандикъ, убійца поручика Бородина.
(Съ рисунга нашего корреспондента М. Федорова, рис. на деревѣ П. Ф. Марковъ, грав. Л. А. Свряковъ).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

✎ Редакція «Всем. Иллюстраціи» обращается къ публикѣ и къ своимъ подписчикамъ въ особенности, съ покорнѣйшею просьбою не оставить ее присылкою сообщеній и рисунковъ (хотя-бы въ самыхъ легкихъ наброскахъ) замѣчательныхъ мѣстностей, памятниковъ, портретовъ, сценъ, празднествъ, костюмовъ и проч. и проч. Только благодаря просвѣщенному вниманію читателей нашихъ и публики, къ вышеизложенной просьбѣ, мы можемъ быть поставлены въ возможность исполнить нашу трудную и разнообразную программу.

✎ Прося этой услуги, редакція считаетъ въ правѣ принять на себя исполненіе слѣдующаго, новаго обязательства.—Имѣя въ числѣ своихъ сотрудниковъ специалистовъ по разнымъ отраслямъ законовѣденія, хозяйства, естествовѣденія, политехники и пр., редакція будетъ готова отвѣчать своимъ подписчикамъ на вопросы, обращаемые къ ней, и касающіеся этихъ, и другихъ, отдѣловъ. Отвѣты и разъясненія будутъ по-мѣщаться въ почтовомъ ящикѣ.

Всемирная Иллюстрация

№ 354.

VII ГОДЪ. ТОМЪ IV № 16.

11 октября 1876 года.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

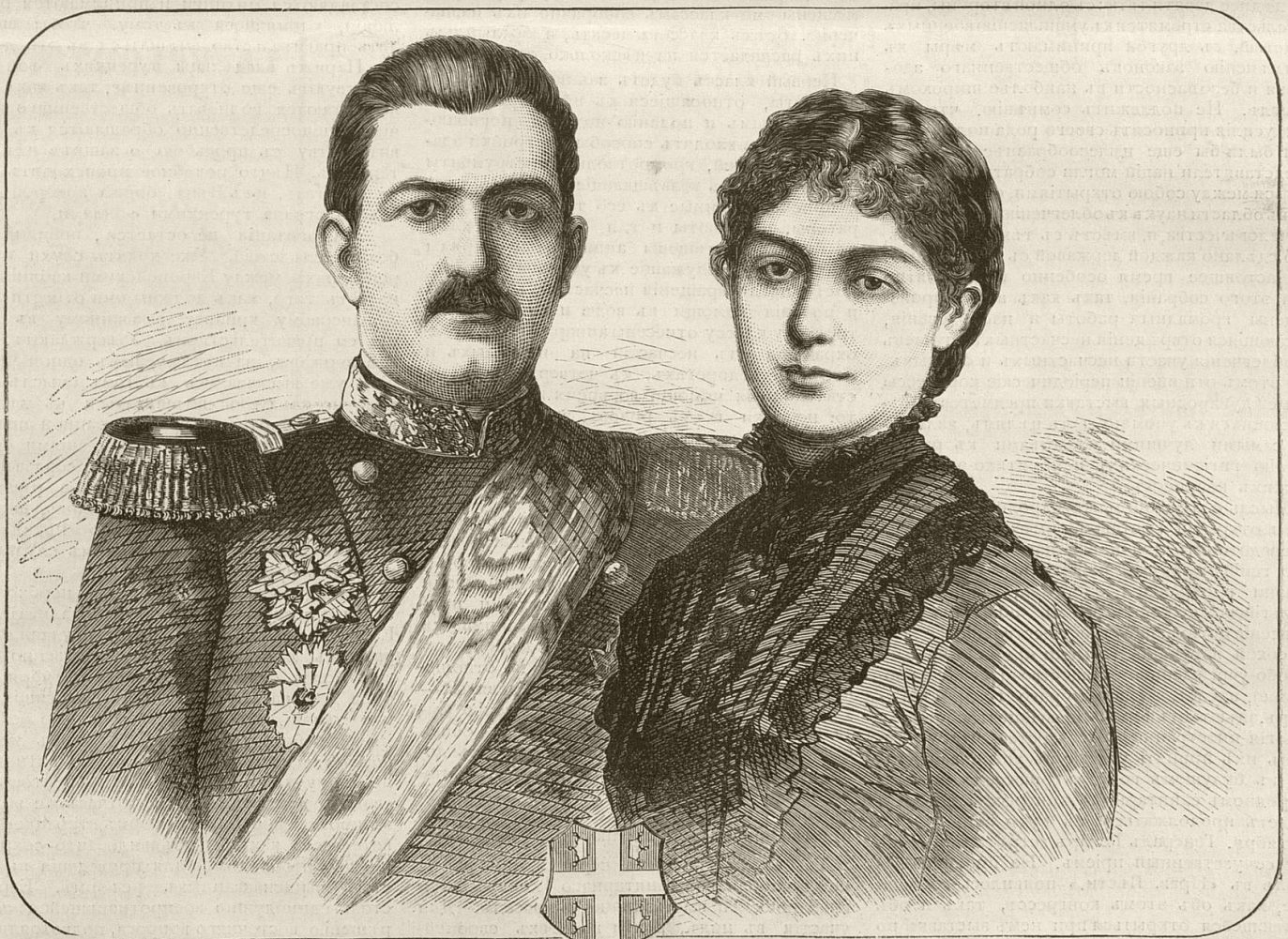
Въ виду приближенія времени подписки на 1876 годъ, редакция «Всемирной Иллюстраціи» проситъ гг. подписчиковъ, въ особенности живущихъ въ отдаленныхъ отъ С.-Петербурга мѣстахъ, поспѣшить возобновленіемъ подписки, во избѣжаніе замедленія въ высылкѣ нашего журнала.

Годовая цѣна «Всемирной Иллюстраціи» на 1876 годъ остается прежняя, т. е.

Въ Россіи: въ С.-Петербургѣ безъ доставки	13 р. с.	} въ Москвѣ безъ доставки	14 р. 50 к.
съ доставкою	14 р. 50 к.		съ доставкою
Съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи		. . . 16 р. »	

Заграницей, съ доставкой по адресу:

Въ государства, подписавшія новую почтовую конвенцію, т. е. во всѣ европейскія государства, въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки, въ Азіатскую Турцію, Египеть и испанскія владѣнія въ Африкѣ	. 17 р. с.
Въ Южную Америку	. 22 р. с.
Въ Австралію, Китай, Японію и Восточную Индію (черезъ Бриндизи)	. 25 р. с.

Миланъ, князь сербскій и супруга его, княгиня Наталія Петровна. (Грав. К. Вейрманъ).

лядою на верхнемъ выступѣ пьедестала, окружая собою подножіе конной статуи святаго Георгія (работы художника Лансерэ), закальвающаго дракона. Фигура коня, отшатнувшася отъ поверженнаго чудовища, — сдѣлана превосходно. Что касается статуи Побѣдоносца, она дышетъ легкостью посадки и красотою драпировки туники и плаща.

Инициатива этой группы принадлежитъ нынѣшнему предводителю дворянства Московской губерніи, графу А. В. Бобринскому, а выполнение изъ серебра — П. А. Овчинникову.

При этомъ подношеніи, уважаемый юбиляръ обратился къ представителямъ дворянства съ слѣдующими, глубоко прочувствованными словами: «Даръ вашъ я сохранию всю мою жизнь, какъ одно изъ самыхъ дорогихъ воспоминаній моего служебнаго поприща, и передамъ его моимъ потомкамъ, чтобы они сохранили его изъ рода въ родъ, какъ драгоценный памятникъ добраго вниманія достославнаго московскаго дворянства къ ихъ предку».

Ж.

Серебряные жбанъ и плато, работы Хлѣбникова, поднесенные князю В. А. Долгорукову, въ день его юбилея.

Жбанъ имѣетъ форму обыкновенной кружки съ плоскою крышкою, украшенною группою всадника, закальвающаго дракона (гербъ г. Москвы). Магное серебро этой группы эффектно отдѣляется золотистымъ фономъ жбана, на которомъ помѣщенъ эмальированный гербъ князей Долгоруковыхъ, окруженный изящной виньеткой гербуса. Стѣнки жбана сдѣланы какъ бы изъ гладко-отполированныхъ драгокъ, силоченныхъ миниатюрными гвоздиками, окружающими постаментъ и ободокъ нѣсколько расширяющагося резервуара. Жбанъ окруженъ снизу призматическимъ пьедесталомъ, помѣщающимся на плато, на бордюрь котораго находится слѣдующая надпись: «Князю Владиміру Андреевичу Долгорукову отъ московскаго жандармскаго управления и дивизіона 1865—30 августа—1875 г.»; въ срединѣ — шифръ князя В. А. Долгорукова, осыпанный княжескою короною. Шифръ этотъ выдержанъ въ титуловомъ славянскомъ стилѣ. Въ ансамблѣ, жбанъ и плато (работы придворнаго фабриканта Хлѣбникова) — замѣчательны по изящному подбору колеровъ эмали и гармоніи своихъ составныхъ частей.

При поднесеніи жбана и плато, жандармское управление привѣтствовало юбиляра слѣдующей рѣчью: «Сегодня минуло десять лѣтъ, когда, волею нашего Августѣйшаго Монарха, вы были назначены главнымъ начальникомъ первопрестольной столицы. Всѣ учрежденія, всѣ сословія въ Москвѣ стремятся, въ этотъ день, выразить вашему сятельству чувства уваженія и благодарности къ понесеннымъ трудамъ и заботамъ вашимъ на пользу и преуспеяніе столицы. Мы, служащіе въ корпусѣ жандармовъ, были изъ первыхъ, тогда, удостоены благосклоннымъ вниманіемъ вашего сятельства и, затѣмъ, впродолженіи десяти лѣтъ постоянно руководимые и поддерживаемые вашими совѣтами и высокими содѣйствіемъ, достигли лучшихъ цѣлей, предначертанныхъ въ нашей службѣ. И потому позволяете намъ, выражая вашему сятельству въ этотъ день чувство глубокаго уваженія, покорнѣе просить удостоить принять отъ насъ, въ память искренней нашей преданности, русскій жбанъ съ блюдомъ — какъ эмблему истиннаго русскаго хлѣбосолюбства вашего сятельства, которымъ вы такъ часто и насъ удостоивали».

Б.

Война съ Коканомъ. Вторженіе коканцевъ въ наши предѣлы и разбитіе ихъ. Битва подъ Махрамомъ.

(Окончаніе).

Ободренные отступленіемъ Худояръ-хана и нашего посольства къ Ходженту, коканцы

рѣшили вторгнуться въ наши предѣлы. 8-го августа коканскія партіи перешли на правый берегъ Сырь-Дарьи и заняли селеніе Кумгара въ Кураминскомъ уѣздѣ, а на слѣдующій день незначительная шайка неприятелей явилась на ходжентскихъ огородахъ, но была прогнана мѣстной командой.

Вскорѣ послѣ этого столкновения, огромныя массы коканскихъ войскъ атаковали Ходжентъ съ трехъ сторонъ: отъ садовъ, лежащихъ на пути въ Коканъ, отъ селенія Самгаръ и отъ Наусскихъ воротъ. Нападеніе это на всѣхъ пунктахъ было отбито. Къ вечеру явились въ городъ 14 человекъ со стекляннаго завода купца Исаева, въ 12 верстахъ отъ Ходжента. Заводъ этотъ былъ окруженъ шайкою коканцевъ человекъ въ 300, но рабочіе наши, запершись въ одной изъ жилыхъ комнатъ, храбро защищались до 5 часовъ вечера, а потомъ, когда строенія были зажжены, высочили изъ оконъ и пробились сквозь неприятеля.

10 августа коканцы завели перестрѣлку съ отрядомъ полковника Савриновича, стоявшимъ у садовъ по коканской дорогѣ. Въ тотъ-же день прибыли въ Ходжентъ одна рота, 2 батальона и штабъ. На слѣдующій день, на правомъ берегу Сырь-Дарьи снова показались многочисленныя толпы неприятеля, но посланцы противъ него двѣ роты заставили его отступить. 12 числа было рѣшено произвести рѣшительное наступленіе на селеніе Кастакозъ, гдѣ стояли главныя силы коканцевъ. Одна изъ колоннъ, въ составъ 2 ротъ, 2 орудій и полусотни казаковъ, находилась подъ начальствомъ подполковника Ефремова; другая, такой-же численности, подъ начальствомъ полковника Савриновича. Последняя колонна направилась на главный отрядъ коканскихъ войскъ, бывший подъ начальствомъ амлякъ-харовъ Кули-Холь - Назара и Миръ-Ханъ-бая, въ составъ до 15,000 человекъ. Войска эти, выстроившись въ восемь колоннахъ, сначала держались довольно стойко, но двѣ удачно пущенныя гранаты заставили ихъ отступить въ Кастакозъ столь послѣдно, что часть убитыхъ осталась неподобранною. Полковникъ Савриновичъ преслѣдовалъ ихъ до Кастакоза. Здѣсь коканцы заняли-было опушку садовъ, но, выбитые оттуда натискомъ нашихъ стрѣлковъ, принуждены были продолжать отступление за Кастакозъ.

Пройдя это селеніе, отрядъ нашъ былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ изъ всѣхъ бывшихъ у коканцевъ фальконетовъ, сосредоточенныхъ въ одномъ пунктѣ. Нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій прекратили огонь коканцевъ и заставили ихъ отступить въ безпорядкѣ. Преслѣдованіе продолжалось до границы, причемъ въ плѣнь взято пять человекъ.

Дѣло при Кастакозѣ, начавшееся въ 5^{1/2} часовъ утра, продолжалось безъ перерыва до 12 часовъ дня. Число убитыхъ коканцевъ опредѣлить трудно, такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, отступая, они успѣвали подбѣгать убитыхъ.

Одновременно съ дѣйствіями правой колонны, лѣвая направилась къ селенію Испогару и здѣсь встрѣтила массы коканцевъ, разбитыхъ полковникомъ Савриновичемъ. Пустивъ нѣсколько мѣткихъ гранатъ и произведя дружную атаку, подполковникъ Ефремовъ отбросилъ скопища враговъ съ большимъ урономъ къ Сырь-Дарьи.

Въ тотъ-же день прибыли въ Ходжентъ одинъ стрѣлковый батальонъ и 4 орудія, а въ слѣдующіе дни сосредоточились тамъ войска, предназначенныя для экспедиціи.

20-го августа отрядъ, подъ начальствомъ генераль-адъютанта Кауфмана, выступилъ изъ Ходжента. Первый ночлегъ былъ у селенія Обхурекъ, на коканской границѣ. На слѣдующій день неприятель пробовалъ было остановить наше движеніе, но всякій разъ былъ отражаемъ артилерійскимъ и ружейнымъ огнемъ; въ особенности сильно было нападеніе коканцевъ на пѣхоту, по приближеніи ея къ кишлаку Карачакумъ. Такъ какъ вода въ этой деревнѣ была отведена неприятелемъ, то отрядъ расположился на ночлегъ на берегу Сырь-Дарьи.

Ночь прошла спокойно и въ 5 часовъ утра 22 августа войска наши двинулись дальше. Кавалерія прикрывала правый флангъ авангарда. Когда колонна стала подыматься на гребень высоты, лежавшихъ передъ крѣпостью Махрамомъ, какъ неприятельская кавалерія, простиравшаяся до 13,000 чел., начала дѣлать попытки обойти отрядъ. Очевидно было, что коканцы хотѣли задержать его и подвести подъ огонь крѣпости съ фронта, гдѣ мѣстность была затоплена; но генераль Кауфманъ разгадалъ ихъ замыслы и, подвигая медленно колонну влѣво, совершилъ обходное движеніе. Когда голова колонны подошла на 1,100 сажень къ укрѣпленному лагерю подъ крѣпостью, неприятель открылъ сильный огонь, но безъ всякаго вреда для насъ. Отогнавъ коканскую кавалерію выстрѣлами артиллеріи, главнокомандующій поручилъ генераль-лейтенанту Головачеву съ 2 батальонами и 12 орудіями штурмовать неприятельскую позицію. Генераль Головачевъ быстро двинулся впередъ, подъ прикрытіемъ огня нашей артиллеріи, которая заставила замолчать коканскія пушки. Тогда батальоны ударили въ штыки и мгновенно заняли укрѣпленіе, причемъ захватили 23 орудія. Вслѣдъ затѣмъ, первый батальонъ бросился къ крѣпости, окруженной глубокимъ ровомъ и занятой скопищами коканцевъ. Давъ залпъ по амбразурамъ, солдаты выломали ворота и ворвались въ Махрамъ. Неприятель защищался отчаянно, но это сопротивленіе только увеличило его потери.

Между тѣмъ полковникъ Скобелевъ, отразивъ атаки коканцевъ на нашъ правый флангъ, оставилъ два дивизіона казаковъ для прикрытія артиллеріи и съ остальными двумя дивизіонами переправился вплавь черезъ широкій арыкъ и напалъ на выступившія къ нему на встрѣчу толпы коканской кавалеріи и пѣхоты, въ числѣ около 6,000 человекъ, причемъ отбилъ два орудія. Неприятель бѣжалъ и былъ преслѣдуемъ на протяженіи 15 верстъ. Во время преслѣдованія, коканцы, замѣтивъ малочисленность отряда полковника Скобелева, попытались было дать отпоръ, но мѣткій ракетный огонь, открытый капитаномъ Абрамовымъ, заставилъ ихъ снова обратиться въ бѣгство.

Потеря неприятеля была огромная. Вся мѣстность около Махрама и до Сырь-Дарьи была покрыта трупами и оружіемъ; многіе изъ бѣжавшихъ потонули въ рѣкѣ; трофеями победы были 39 орудій, много фальконетовъ, снарядовъ и запасовъ пороха, 9 бунчуковъ и 37 значковъ. Потери наши состоятъ: убитыми 1 штабъ-офицеръ (подполковникъ Хорошкинъ), 5 нижнихъ чиновъ и 1 джигитъ; ранеными: 1 штабъ-офицеръ (полковникъ Скобелевъ) и 7 нижнихъ чиновъ.

Впечатлѣніе, произведенное махрамской побѣдой, было огромное: жители изъ сельскихъ дальнихъ мѣстностей Кокана поспѣшили изъявить покорность и убѣдились въ невозможности сопротивляться русскому оружію. Этимъ убѣжденіемъ объясняется панический страхъ, овладѣвшій 10,000 скопищемъ Абдурахмана-автобачи (смотри «Всем. Иллюстр.» № 353, Изв. изъ Ср. Азіи) при встрѣчѣ съ нашимъ отрядомъ. Вѣроятно, это была послѣдняя вспышка коканскихъ бунтовщиковъ и можно надѣяться, что съ этого времени страна выступитъ на путь мирнаго развитія, наравнѣ съ другими среднеазиатскими ханствами, находящимися подъ вліяніемъ Россіи.

„КЫЗЪ-БЫРЫ“ — „ВОЛКЪ-ДЪВКА“.

Конныя игры въ киргизской степи.

Хотя киргизы официально признаны и считаются мусульманами, но религія Магомета не пустила у нихъ такихъ глубокихъ корней, какъ у другихъ, преимущественно осѣдлыхъ, народовъ центральной Азіи.

У номадовъ много еще сохранилось прежнихъ языческихъ обрядовъ, духъ которыхъ рѣзко отражается какъ на ихъ вѣрованіяхъ,

Кызы-Мыры (Воль-Дэвка), конныя ігры въ Киргизской степи. (Рисунокъ Н. И. Караина, грав. К. Вейерманъ).

так и на домашнемъ быть. Стоить только обратить внимание на положение женщины у кочевниковъ, чтобы убѣдиться, на сколько слабо мусульманство коснулось этой стороны ихъ жизни.

Уже съ первого раза вы видите открытое, свободно и смѣло глядящее на васъ лицо киргизской женщины, тогда какъ, по мусульманскому закону, вы должны были бы встрѣтить ходячую мумію, тщательно скрывающую подъ густою сѣткою свое лицо, робкую, покорную, забитую наложнику своего мужа, — властелина надъ нею, даже надъ ея жизнью.

Киргизка — хозяйка въ своемъ домѣ; она имѣетъ голосъ во всѣхъ дѣлахъ своего мужа; она не раба его, а подруга; овдовѣвъ, она не рискуетъ перейти, по завѣщанію покойнаго, къ кому-либо другому, какъ это часто дѣлается у чисто мусульманскихъ народовъ; она становится законною наследницею имущества мужа, если она бездѣтна; а если у нея есть малолѣтніи дѣти, то ей принадлежитъ дальнѣйшее воспитаніе ихъ и главное управленіе надъ ихъ имуществомъ.

Не мѣсто въ этомъ маленькомъ очеркѣ трактовать о подробностяхъ женскаго быта у номадовъ, чрезвычайно интереснаго и отчасти даже поучительнаго, потому переходу прямо къ описанію приложеннаго къ этому номеру «Всемирной Иллюстраціи» рисунка, изображающаго одну изъ сценъ, характеризующихъ бытъ киргизской дѣвушки.

Дѣвушка у киргизовъ пользуется до замужества полною свободою; она не стѣснена никакими обязанностями, а въ большинствѣ случаевъ, хотя и существуетъ обычай засагиванія съ дѣтскаго возраста, сохраняетъ за собою самостоятельность «выбора».

Она знакомится съ молодыми людьми окрестныхъ ауловъ... Джигиты связываются часто, особенно въ дни какихъ-нибудь празднествъ, вмѣстѣ, устраиваютъ общія игры, конныя скачки и разныя ристалища, и въ этихъ играхъ дѣвушки, сами превосходныя наездницы, принимаютъ дѣятельное участіе, часто даже первенствующее.

На нашемъ рисункѣ художникъ изобразилъ одну изъ сценъ, занесенную имъ съ натуры въ свой пугевой альбомъ, во время долголѣтняго пребыванія его въ центрально-азиатскихъ странахъ.

Это «Кызъ-быры», т. е. «Волкъ-дѣвка», конная игра, первая роль въ которой принадлежитъ наездницѣ.

Дѣло происходитъ такимъ образомъ:

Дѣвушка выбираетъ себѣ лучшаго скакуна въ табунахъ своего отца и выѣзжаетъ на открытое мѣсто; за нею выстраиваются въ рядъ джигиты, конечно, все соискатели ея благосклонности, и, по данному сигналу, скачка начинается. Наездница должна доскакать до поставленнаго въ известномъ разстояніи столба, джигиты должны помѣшать ей въ этомъ; послѣдніе охватываютъ ее полукругомъ, пытаются сбить ее съ должнаго направленія, заскакиваютъ ей на встрѣчу, однимъ словомъ, начинается по степи такая оживленная, дикая скачка, что въ ней выскazujeя вся отвага, вся ловкость и лихость отчаянныхъ наездниковъ.

Она одна борется противъ нѣсколькихъ человекъ: борьба неровная, и единственное преимущество наездницы — это предварительный выборъ лошади.

Если ей поймали прежде, чѣмъ она доскакала до поворотнаго столба, — она поневоле обязана выдержать цѣлый приступъ самыхъ пламенныхъ, подчасъ далеко нецеремонныхъ ласокъ; одежда ея часто летитъ клочьями, ее теребятъ, тащутъ съ лошади, дѣлуютъ, обнимаютъ, пока не вызовутъ у ней крика покорности, молбы о пощаду, что случается чрезвычайно рѣдко, принимая въ расчетъ заносчивость, упрямство и дикую гордость амазонокъ.

Но за-то горе и джигитамъ, если они дали ей возможность доскакать до цѣли. Тогда роли перемѣняются: преслѣдующіе обращаются въ преслѣдуемыхъ, преслѣдуемая въ преслѣдующую. «Пастухи гнали волчицу, говорятъ киргизы, теперь волчица начинаетъ душить барановъ»...

Наездница взмахиваетъ надъ головою своею тяжелою, ременною нагайкою, «каменкою», она гонится за джигитами; неловкій наездникъ, не успѣвшій увернуться, платится жестокимъ ударомъ по чѣлу ни пошло, такимъ ударомъ, что частенько валится съ лошади и на долго теряетъ возможность гоняться «за волкомъ-дѣвкою».

Какъ испуганное стадо, бросаются джигиты въ разныя стороны отъ безцѣльнаго преслѣдованія; съ дикимъ гиканьемъ, вся раскраснѣвшаяся, взволнованная, несется за ними бѣшеная амазонка, подстрекаемая ободрительными криками зрителей.

Неловкій джигитъ лучше уже не подвертывайся!..

На нашемъ рисункѣ изображены три момента подобной игры: на самомъ заднемъ планѣ скачка къ столбу, на главномъ мѣстѣ картины — пойманная красавица и свалка претендентовъ на пощѣлы и ласки, а на первомъ планѣ, лицомъ къ зрителю, — свирѣпое преслѣдованіе неловкихъ, оплошавшихъ наездниковъ.

* *

Четвертая всероссийская конная выставка въ Москвѣ.

Нынѣшняя выставка продолжалась съ 11 по 16 сентября включительно, 11 сентября происходило оффиціальное открытіе конской выставки, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича старшаго, а затѣмъ, послѣ молодебствія, произведена была полная выводка всѣхъ выставленныхъ лошадей. Ежедневная выводка происходила въ манежѣ (при домѣ управленія государственнаго коннозаводства), принявшаго, на этотъ разъ, праздничный видъ; такъ напр., одна изъ стѣнъ была украшена большою, въ рамкѣ изъ зелени, картиною, изображавшею благаго коня *), котораго сдерживаетъ юноша въ классической туникѣ и ниспадающей алой тогѣ; для зрителей вдоль стѣны (дѣвой отъ входа) устроены были мѣста, къ сожалѣнію, замѣтимъ, мало-доступныя по цѣнѣ для большинства публики.

По составу представленныхъ лошадей, четвертую всероссийскую конскую выставку слѣдуетъ признать, какъ мы уже имѣли случай замѣтить (см. коррес. изъ Москвы № 352 «Всем. Иллюстр.») — одною изъ наиболее удачныхъ: всѣхъ лошадей приведено было 338 (267 жеребцовъ и 71 кобыла), изъ которыхъ премій удостоено было болѣе половины. Здѣсь мы назовемъ только тѣхъ, которые награждены первыми двумя высшими преміями:

I отдѣлъ верховой: а) *чистокровной английской породы* (первая премія): *Громобой*, А. А. Мосолова и *Лазанка*, г-жѣ Петровскихъ; (вторая премія): *Эклипс*, г. В. Мысыровича и *Жуногарія*, г-жѣ Петровскихъ; б) *чистокровной арабской породы* (1-я прем.): *Таврис*, кн. Р. Е. Сангушко; (2-я прем.): *Тибетъ* и *Прециоза* — его-же; в) *верховой крупной породы* (1-я прем.): *Любимецъ*, Е. О. Офросимова; (2-я прем.): *Буяна*, И. В. Станкевича и *Рахиль*, баронессы М. И. Раленъ, г) *верховой легкой породы* (1-я прем.): *Кадма*, Его Императорскаго Высочества Вел. Кн. Николая Николаевича старшаго и *Султанша*, г. Мазаракія; (2-я прем.): *Шаикъ*, г. Охотникова и *Изабелла*, В. В. Савича; д) *донской породы* (1-я прем.): *Золотая*, кн. В. А. Меншикова.

II отдѣлъ упряжной: а) *рысистой породы* (1-я прем.): *Полканъ*, г. Пожидаева и *Визатурия*, г. Филиппова; (2-я прем.): *Удалой*, г. Бардина и *Озгольня*, г. Свѣчина; б) *Крупноупряжные* (1-я прем.): *Богатырь*, г. Мазаракія; (2-я прем.): *Чайный*, гр. Сиверса.

III отдѣлъ рабочей: а) *тяжеловозы* (1-я прем.): *Геркулесъ* и *Догдака*, г. Соколова; (2-я прем.): *Полковникъ*, г. Миняева и *Юнона*, Петровско-Разумовской академіи; б) *сельскохозяйственныхъ крупня* (1-я прем.): *Батый*, г. Римско-Корсакова и *Лыска* г. Пишкова; (2-я прем.): *Арно*, Его Императорскаго Высочества Вел. Кн. Николая Николаевича стар-

*) Вѣроятно, Буцефала, усмиряемаго Александромъ Македонскимъ.

шаго и *Богатырь*, г. Дикарева, и, наконецъ, в) *сельскохозяйственныхъ мелкія* (1-я прем.): *Силачъ*, Петровско-Разумовской академіи; (2-я прем.): *Пахита* и *Браномейстеръ*, Ильинской фермы Его Императорскаго Величества.

Въ день закрытія выставки, 16 сентября, произведена была вольная продажа нѣкоторыхъ изъ выставленныхъ лошадей.

Путешествіе принца Уэльскаго въ Остъ-Индію.

Телеграфъ сообщалъ уже объ отъѣздѣ принца Уэльскаго въ Остъ-Индію. Это путешествіе сдѣлалось необходимою послѣ процесса гиковара Бародскаго. Туземные князья и большинство населенія видѣли въ назначеніи на мѣсто его малолѣтняго раджи новое покушеніе англичанъ къ уничтоженію самостоятельности и остальныхъ полунезависимыхъ княжествъ Индіи. Въ виду такого настроенія умовъ и успѣха проповѣди вѣхабитовъ, равно какъ и натянутыхъ отношеній Британіи къ Бирмѣ и Китаю, английское правительство признало полезнымъ, чтобы наследникъ престола совершилъ путешествіе въ эти отдаленныя страны и ознакомился съ мѣстными владычествами. Сначала по поводу расходовъ на эту поѣздку возникло въ парламентѣ несогласіе, но потомъ требуемая сумма была утверждена. Тѣмъ не менѣе, онѣ недостаточны. Въ Азіи существуетъ обычай при встрѣчѣ знатныхъ особъ или государей обмѣниваться подарками, и чѣмъ выше посѣщаемое лицо, тѣмъ драгоценнѣе долженъ быть подарокъ. Понятно, что такой обычай былъ разорителенъ для принца Уэльскаго, а потому вице-король не намѣренъ дѣлать торжественныхъ пріемовъ ни въ Бомбей, ни въ Калькуттѣ, ни въ другихъ мѣстахъ, гдѣ назначены свиданія принца съ туземными князьями; вмѣстѣ съ тѣмъ правительство распорядилось объ ограниченіи цѣнности подносимыхъ принцу подарковъ. При всемъ благоразуміи такихъ мѣръ въ финансовомъ отношеніи, есть основаніе сомнѣваться въ успѣшности результатовъ путешествія наследника королевы Викторіи; во-первыхъ, онъ долженъ будетъ занимать второе мѣсто, такъ какъ первое принадлежитъ по этикету вице-королю; во-вторыхъ, онъ не будетъ имѣть той блестящей обстановки, какою окружаютъ себя туземные раджи, и въ-третьихъ, умѣренность принца при раздачѣ подарковъ произведетъ, вѣроятно неблагоприятное впечатлѣніе на массу. Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о фрегатѣ «Сералисъ», на которомъ принцъ совершитъ путешествіе въ Остъ-Индію. Слуга принца и офицеры будутъ помѣщаться въ каютахъ на большой палубѣ, которая очень тѣсна, потому что понадобилось мѣсто для устройства каютъ Его Высочества. Послѣднія убраны съ необыкновенною роскошью: стѣны бѣлыя съ позолотой, карнизы и колонны свѣтло-голубые, на окнахъ зеленыя шелковыя шторы, занавѣски кружевные; мебель обита темнокоричневою дорогою матеріей, съ вытѣсенными на ней золотыми знаками орденовъ «звѣзды» и «подвязки». Спинки креселъ и дивановъ набиты соломой, какъ дурнымъ проводникомъ теплоты; кровать принца металлическая и сдѣлана въ родѣ койки; для избавленія его отъ жары, подъ его помѣщеніемъ поставлены двадцать бочекъ со льдомъ и въ разныхъ мѣстахъ находятся огромныя опахала, приводимыя въ движеніе рабочими. Въ другихъ частяхъ судна устроены конюшни для лошадей принца и большія помѣщенія для быковъ, барановъ и птицъ. Однимъ словомъ, путешествіе будетъ совершено съ полнымъ комфортомъ.

50-лѣтній юбилей изобрѣтенія желѣзныхъ дорогъ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ (27-го сентября н. с.), въ Дарлингтонѣ (Англія), центрѣ секты квакеровъ и мѣсто-рожденія многихъ замѣчательныхъ вождей ея, какъ-то: Дисона Вульмана, Брайта и др., праздновался 50-лѣтній юбилей открытія первой желѣзной дороги — одного изъ величайшихъ изобрѣтеній нашего времени.

Проектъ первой желѣзной дороги изъ Стоктона въ Дарлингтонъ принадлежалъ квакеру Эдуарду Пизу, который, въ 1817 г., предложилъ устроить конную дорогу съ деревянными рельсами для перевозки изъ каменноугольныхъ рудниковъ угля, которымъ мѣстность эта изобилуетъ, посредствомъ лошадей или-же веревковъ и цѣпей, прикрѣпленныхъ къ локомотивамъ. Проектъ этотъ, какъ должно было ожидать, встрѣтилъ большое несочувствіе со стороны мѣстныхъ владѣльцевъ и въ особенности любителей охоты, почто-содержателей и другихъ, и только четыре года спустя былъ утвержденъ правительствомъ. Въ это время главнымъ инженеромъ и директоромъ проектируемой дороги былъ знаменитый Георгъ Стефенсонъ, изобрѣтатель перваго локомотива; онъ успѣлъ уговорить Пиза замѣнить деревянные рельсы желѣзными и испытать его локомотивъ «Pulling Billy», замѣненный впослед-